

ТРАВА-ВОДА

Сборник стихотворений Александра Спарбера

Издатель:

Издательство «АураИнфо»
(Санкт-Петербург)

Литературная серия «КНИЖНАЯ ПОЛКА ПОЭТА»

Руководитель проекта:

Евгений Орлов

Обложка:

Нильс Хальгерсон

Макет и оформление:

Татьяна Громова

В оформлении обложки

использована картина Михаила Юдовского

Поэтический сборник Александра Спарбера «Трава-вода» продолжает серию «Книжная полка поэта». Книга издана в качестве Приза абсолютному победителю Международного литературного конкурса «Открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии–2013» (портал Stihi.lv).

© Александр Спарбер

© Нильс Хальгерсон – обложка

© Татьяна Громова – макет и оформление

© Ольга Воронина – предисловие

© Евгений Орлов – литературная серия

АЛЕКСАНДР СПАРБЕР

ТРАВА-ВОДА

СТИХИ

БРО-УНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, или ЗАКЛИНАНЬЕ ПУСТОТЫ

Зима наступила раньше, чем облетели листья.
Теперь они стучат.

А. Спарбер

Иногда особенно трудно найти точку отсчета, первое слово, первое звено цепочки между мыслемой формой и воплощением... или не-воплощением. Как предчувствие, которое не сбылось.

*... как предчувствие!**

Нет-нет, это никакая не отсылка – «кина не будет». Впрочем, почему нет? – Пожалуйста, «Тарковский»: взгляд из неземного сегодня на драгоценную страшную жизнь, всю и сразу (стих-е «Зеркало»). Уж чего-чего, а «драгоценного» в стихах Александра Спарбера хватает! А «страшного» – и того больше.

*А ещё – «смещение зрения / объекта искажение». Не остранение (...как приём!**) – скорее «бро-уновское движение молекул», создающее новые формы жизни (ибо как таковой «нежити» здесь нет, но зачастую остаются вопросы*

* Совершенно случайная аллюзия, отсылающая к фильму Алексея Учителя «Космос как предчувствие», который никакого отношения к стихам А.Спарбера не имеет.

** Подразумевается статья В.Б. Шкловского «Искусство как приём», где и был введён термин «остранение».

вроде: «Как правильней сказать на самом деле: / Чуть-чуть жива или чуть-чуть мертва?» Или уж сам лирический герой постарается: «... а я их зачем-то, увы, варю, / деляя темными и бессмысленными, как овощи / и превращая в какую-то, прости, господи, нежить... / ...а на бревне они такие красивые / такие беспомощные / и так их хочется срезать...» – «О грибах»).

Но – по порядку!..

Первый творческий маркер – высокая планка «культурного кода», эдакая «искусствоцентричность», в которой ирреальность (прежде всего мир кино, литературы, живописи...) обладает супротив мира вещного особой и непреложной ценностью. Можно даже предположить, что для Александра Спарбера «чужое» не есть базовая платформа или «та самая» точка отсчёта: всё давно переплавилось до бессознательного (или уже сверхсознательного?) сродничества, и даже не в смысле «и это моё», а – «ну, это мы знаем, идём дальше».

Поэтому жизнь чёрных фигурок Брейгеля «куда реальнее, чем эта, / где я сижу, рассеянно смотря / на мятую скорлупку штукатурки...» Поэтому «Искусства нет. Как нет и нас». Поэтому для небыли и были мы – не различаемы, а зато «Масленица Кустодиева» полна такого плотного томления, что хоть сейчас – под водочку да со сметаной. Да и одно из сильнейших моих лирических впечатлений от этого сборника носит само за себя говорящее название: цикл «Читая Юхана Боргена» (и ежели кто вдруг

нет – теперь-то наверняка прочтёт!) «...Тогда лети! Чего ж ты не смеёшься? / И я смеюсь. / Раз надо – я смеюсь». Ну да, смеюсь, а глаза – тоскливые (стих-е «Вверх и вниз»). А ловушку человек «Паутину» (из того же цикла) можно приводить разве что целиком: из песни слова не выкинешь.

Я просыпаюсь. Где – не пойму
полон мой рот земли,
по телу голому моему
бегают муравьи.
Кажется, все-таки это лес,
где-то шумит вода...
Какого рожна я сюда залез,
как я попал сюда?
Везде паутина – висят, блестят
нити по всем кустам.
За мною следят – я вижу глаза
там, за кустами, там.
Бегу – и рву паутину ртом,
прочь – на призыв реки,
но здесь – на её берегу крутом –
ждут меня рыбаки.
Им весело. Смех. Я слышу их смех.
Прыгаю, пробую плыть...
Они смеются: «Давай, человек, -
будем тебя ловить».
Я – выдыхаю. Иду на дно,
плавно иду на дно
я медленно, плавно иду на дно.
Дно. Я иду на дно.
Но главный рыбак, бородатый гном,
полтрубки зажав в горсти,
кричит, подцепляя меня багром:
«Теперь ему не уйти!

*Теперь ему вечно кружить в кольце,
теперь он наш общий сын».*

Я – просыпаюсь.

А на лице –

ниточки паутин.

В общем, «культурного уровня» здесь с лихвой – Брейгель, Кустодиев, Тарковский (Андрей), Чехов (Михаил), Бабель, Олеша, Набоков, Булгаков, Гессе, Рильке, Шекспир, Уитмен... (И это ещё не все! И это только на первом плане!) От почти лобового цитирования (не ищите кавычек; возможно, сказывается тут и привычная для переводчика «короткость дистанции»): «Какая-то в державе датской гниль...», – до произвольных ассоциаций, свободно парящих в спиральных потоках: «...И ребенок спросил: что такое трава?..» Настолько свободно, что уже и не понимаешь, когда ты успел упасть в ледяные объятия женщин цвета воды – и навсегда остаться там: водой, дождём, травой... И где оно, это «там»?

...Ах, Гамлет! – ты поймёшь меня едва ли...

В бокале – яд. Я знаю – яд в бокале.

Но пить, я пить хочу!

Позвольте мне...

Маркер второй – во первых строках обещанное «страшное». «Всё начинается со звука: / осинового сплошного си-и-и, / растущего стрелой бамбука... / всё ближе, ближе...» (Стих-е «Страх».)

Нас ждут не фольклорные мертвецы или душераздирающие постапокалиптические картины, а прежде всего, пожалуй, лавкрафтовский «самый древний и самый сильный страх – страх неведомого». (А страхи «ведомые», вроде крыс-упырей, которых сперва боялись до смерти, преходящи: «Ко всему привыкаешь...»)

В поэтическом пространстве Александра Спарбера «данный в ощущении» ужас, как правило, связан со звуком и, как правило, так и не обретает окончательного формального выражения. «...Тогда неотвратимо ясно / ты понимаешь: Он пришёл. / Не оборачивайся». И время его, как водится, – ночь, спутник ему – туман, а исход – почти очевиден:

*«...Почему ж по ночам, без конца
мне мерещится стук металлической трости,
торжествующей трости слепца?» – Стихотворение «Город туманов».*

*«...И медленно ползёт издалека
какая-то невнятная тревога
и плещется у самого порога
угрюмая бетонная река*

*И вот уже тяжелою волной
она идёт вверх и тени катит
перед собой... касается кровати...
пока не накрывает с головой». – Стихотворение «По ночам».*

Безымянный ужас приходит, похожий – ожидаемо и одновременно неповторимо – на переход в мир иной. Например, в диптихе «Сны». Вариант первый: «...труба кошачью втягивает душу / вовнутрь, в мешок, / где ждёт утробный Ужас, / похожий на огромного кота». И здесь же, далее: «Я сплю. Мне снится, что меня воронкой / засасывает злая пустота». Или второй вариант: «...Двор за каменным забором / (я – там, внутри) / и старый дом, в котором / нет двери – не войти; / и переход / подземный, где всегда метель метёт, / но почему-то знаю – очень скоро / я буду по нему бежать, крича...»

«На словах» лирический герой – иногда смеясь – подвергает сомнению само существование «того» мира (да он и за «этот» не всегда готов поручиться). Но страх перехода снова и снова возникает на уровне проговаривания:

«...Обними меня.

Заверни меня в кокон. Зачем всё так кружится...

Воздух полон воронами –

так, что не видно ни зги...

Пожалуйста,

помоги мне укрыться от этого ужаса

Пожалуйста,

Помоги».

Это отрывок из первого стихотворения цикла «Другая жизнь», примечательного не только фирменной спарберовской акцентацией звука: вороны, пророчествующие, что «все

помрут», и вы, и матери ваши, – черно-серые пифии, фанатки «Спартака». Так фокус смещается с цвета (фанатки не красно-белые) на звук: «СпАРтаК» / «Кар-кар»... (Если кто вспомнил про «невермор», то не напрасно: и невермор в книге найдётся. Только не здесь, и весёленький такой – под видом топинамбура.)

А названный цикл примечателен ещё и новыми ракурсами «ужасного» – имя им Пустота и Свобода. Вместо потерянных кусочков жизни – «пространство, в котором нет ничего», где бродят фантомные боли, а «твой собственный голос проваливается в пустоту». И всё, что тебе могут предложить «сверху», с того конца божественного провода – свобода. «Свобода. Нет ничего страшней». И «ты» никак не можешь встретиться с самим собой в пересечениях множественности жизни, и даже окликнуть себя не в силах:

а ты все время шарить в пустоте
...и дом не тот, и жители не те
а те, что были, сгинули куда-то
и бродишь ты по лестницам пустым
где только сизый сигаретный дым
остался... от кого?
обиты ватой
пороги, стены, двери...
но порой
мелькнёт в проёме кто-то дорогой,
до странности, до ужаса похожий –
и силишься позвать

но нем твой крик,
тяжёл неповоротливый язык –
и ты не можешь, ничего не можешь –
и... просыпаешься
и плачешь, и дрожишь
и приближается совсем другая жизнь
она стоит за вешалкой, в прихожей
глядишь в окно – а там гуляет дождь
идёт, идёт – и ты под ним идёшь
и ни окликнуть, ни позвать...
не можешь

Оборотная сторона звука – тишина. Ещё одна значимая единица в поэтике Александра Спарбера. Единица, приблизительно равная смерти. «...И когда оглушит тебя тишина – / не ищи объяснений нервозных – / это физика, братец. Причина одна: / воздух кончился. Кончился воздух». Она же – проявление божественного начала: «Здесь нет голосов – только слышит земля / глухое / дыхание / Бога...»

Впрочем, и сам лирический герой тоже зачастую недоговаривает. Нет, не умалчивает, а именно не стремится словесно достроить пространство образа. «...Подробности опустим... / Кто хочет – тот домысливает...» Или «...Анабиоз. Пустыня. Не могу / Произносить. Да, собственно, и нечем. / Горацио, в дальнейшем – ни гу-гу. / Лишь баю-бай или буль-буль – во рту, / Еще ни-ни да т-с-сс. Да ш-шш... И вечер / Усиливает эту пустоту».

Опять вернулись к пустоте! Ключевое слово. Ключевое понятие. Хочешь победить безымянный ужас (саму смерть) – заполни пустоту. Как? – ответ очевиден: стихами. Стихи – суть заклинанье и оправданье пустоты. «Бормотать, как бормочется / не стыдясь ничего» и – жить.

Что же до ещё одного упомянутого маркера – «драгоценное», – тут каждому своё.

Тут и прекрасность непродуманного мгновения – не остановившегося, а скорее разлитого во всю ширину и глубину пространства/времени; сохранившего все свои, даже позабытые для «здесь и сейчас», запахи и цвета; всю детскость, на которую мясо жизни пока не успело нарасти: «... Там пахнет хвоей и ещё / каким-то... чем-то... позабытым... / Клубникой, яблоком, борщом... / ... И память высохшим плющом / цепляется за столбик скрытый. / Там мне тринадцать. Я – Кащей – / сплошной, хоть и ходячий, остов... / И в зеркало я через щель / смотрю и думаю: ужель / я никогда не стану взрослым?» (Стих-е «Осень в Зазеркалье».)

А ведь – не станет! Не станет взрослым, пока рядом – мама... «...Боюсь понимать. Напеваешь опять и опять / сверчок свою песню с небесной какой-то завалинки: / Мол, рано, сыночек, не бойся, жива еще мать, / и ты еще маленький, маленький...» (Стих-е «Всегда».)

Конечно, все мы дети, пока живы родители, но для лирического героя Александра Спарбера

образ матери не символ инфантильной привязанности, а значимое «всегда» – почти самоопределение. И неизбежность потери. Недаром в пророчестве распостёртых пифий-ворон, тех самых фанаток «Спартака», страшнее всего не то, что «все помрёте вы», а то, что «и все матери ваши помрут, помрут, помрут!»

И повторяют, и настаивают! И вот уже «воздух полон воронами – так, что не видно ни зги...» Но к кому взывает герой, прося обнять его, завернуть в кокон, избавить от этого ужаса? К любимой? Или – к матери? Точный, однозначный ответ тут вряд ли возможен... Зато допущение, что присутствие матери – едва ли не единственное настоящее спасение от того самого «ужаса перехода», может быть вполне уместно.

*«...мама
не уходи
побудь ещё
прошу» – Стихотворение «Из детства».*

И конечно – любовь! Имя её почти табуировано – как самое сакральное из драгоценных. Завуалировано шуткой. Пожалуйста: «Вторая любовь» – «...А потому что первая была / к игрушке елочной...Подробности опустим.../ Кто хочет – тот домысливает. Пусть их. / Она разбилась – и любовь прошла».

Любовь – это убраться на кухне и с риском для жизни отцепить клеща от Мусы, зава-

рить Дошираку для «дефекатика»... Но сколько ни шути, каких только масок ни надевай, в конце концов, оказывается, что именно ради любви каждый день и совершается победа над смертью: заполняется пустота.

*При слове «любовь» моя рука
тянется к пистолету
которого нет
пока*

*Осточертела сия трескотня
Гам полигамного бала
порядком достал
меня*

*и нет спасения от пустоты
сил заполнять пустоты
озвучивать ноты
.... Но ты... – Стихотворение «Но ты».*

Шутейные маски, как известно, не только любви впору: в стихах Александра Спарбера вообще много игры – логично, если вспомнить, что смеховая культура, во всей фольклорной основе своей, была и остаётся способом примирения с действительностью, одной из стратегий выживания. Говоря «смех и грех», мы вряд ли задумываемся, что рифма эта не случайна и смех испокон веков связан со всеми элементами древнего комплекса: плодородием, ростом, зарождением новой жизни... И конечно – со смертью.

«Ну и ладненько... / не были, были? / дом сгорел, сын забыл, дуб засох / ничего, брат, не стоит усилий – / всё равно всё уходит в песок...» (Стих-е «Ну и ладненько».) Или «...Когда придут и аллес, и капут, / я, словно невесомый шишел-мышел, / освободившись от телесных пут, / вспорхну и полечу. / Всё выше... / выше... / ...и Шмуцкого увижу между тут». (Стих-е «Шишел-мышел».)

И вот так – легко и «Как бы с юмором» – трагический «Ворон» По, например, превращается в чужезогненный топинамбур (что, впрочем, не исключает...): «И топить не надо тамбур, если рядом топинамбур, / потому что (смотрим выше) согревает он сердца.../ Но заканчивать пора мне, а не то в палате number / шесть, я буду, бедный спарбер, ждать печального конца». (Стих-е «Топинамбур to you...») А смерть – в Анемону-аленький цветочек (по-русски – ветреница): «Это, знать, тебя, – кричу – ветром принесло мне! / Тоже мне – смертяшка, блин, пятаком убей! / И беру горячий чай, свежезаварённый, / и в отчаянье плещу на голову ей...» (Стих-е «Анемона».)

Но – шутки в сторону! Долог становится перечень «драгоценностей», потому лишь одной строкой упомяну, что есть в книге и переводы, и новое прочтение мифов и легенд, и графические стихи для поклонников текст-арта... Каждому своё. Главное – захотеть! Тогда сразу увидишь.

*Река обмелела. Смотри-ка:
рыбёшки снуют меж камней,
барахтаясь в солнечных бликах...*

и что-то мерцает на дне.

*Кольцо? Или, может, заколка?
Осколок стекла? – не поймешь...*

*Но смотришь. И смотришь так долго,
что будто в пространстве плывешь.*

*Планете вцепившись в загривок,
летишь неизвестно куда...*

*Как все это неуловимо –
рождение, и смерть, и вода*

*да, неуловимо, случайно –
тропинки, травинки, стихи*

*и это мерцание тайны
на дне обмелевшей реки*

Ольга Воронина

ОТРАЖЕНИЯ

Брейгель

И белый снег, и черные деревья...

...А черные фигурки на снегу
спускаются с холма – туда, к селенью,
стоящему внизу, на берегу
пруда.

На льду зеленом дети
играют в расписную чехарду,
забыв привычно обо всем на свете, –
о том, что матери их с нетерпением ждут
в домах, клубами дымными овитых...

Сегодня праздник. Сдвинуты скамьи,
и ждут столы, уже почти накрыты,
когда отцы вернутся – и свои
сдадут трофеи – скоро, скоро воздух
взорвется пряным ароматом яств –
мясных и рыбных; вкусом травок острых, –
ну, словом, всем, что есть – и что подаст
Тот, кто сегодня сядет рядом с ними
по случаю рожденья своего
за все столы, неслышно и незримо...
Взойдет звезда. Начнется Рождество.

...Детей уложат и закроют ставни,
задут свечи, соберутся спать,
один лишь снег крошечный не устанет
дома и переулки засыпать.
И, погружаясь в сонные тенета,
подумают, что жизнь прошла не зря...

...Она куда реальнее, чем эта,
где я сижу, рассеянно смотря
на мятую скорлупку штукатурки...
Но взгляд, переведенный за окно,
утонет, как во сне, в «белым-бело»...

...деревья, птицы, черные фигурки.

2007

Черёмуха в стакане

...Солнце

оно с утра подобрало ключи
ко всем дверям и занавескам. Ночью
шёл дождь, но оголтелые лучи
остатки облаков порвали в клочья,
ярило возведя на синий трон.

Как голова болит... и клонит в сон –
до сей поры немного подшофе я –
вчера... да что теперь...

...Босая фея,
скорее, нимфа, да – звеня ведром,
в соседнем доме моет окна, стоя
на подоконнике...

пустое, всё пустое...
какая малость, глупость, ерунда...

...Но смуглые мелькающие руки,
подоткнутый подол, стекло, вода,
и солнечные зайчики, и звуки –
как будто к ней пришли на водопой
ручные белки, зяблики и лисы...

Играет скрипка – кто-то за стеной
привычные выводит экзерсисы,
а я читаю почту, невзначай
поглядывая на её оконце,
курю и пью – горячий сладкий чай...

Черемуха в стакане. Утро.

...Солнце.

Черный квадрат

Как просто. Ап! На раз-два-три:
букашку «е» из слова «нечто»
изъяв, взамен поставить «и»...
(Переместив акцент, конечно).

Искусства нет. Как нет и нас.
Есть только камень, холмик, дата.
И вновь летим – в который раз –
Мы в черную дыру квадрата...

2007

Анти-Исход

(по картине Виктора Брегеда –
«parting of the sea»)

...И пошли сыны Израилевы среди моря по
суше: воды же были им стеною по правую и
по левую сторону

Исход 14-22

...Бесплодна и горька наука дальних странствий
Шарль Бодлер. Плавание

Ну что ж, смотри...

Здесь – в поисках земли –
приплыли корабли
к последнему приюту
Еще хватало сил
и плыть еще могли –
но воды разошлись –
и вот мы здесь. Минуты

слипаются в года...
Пристав, попав сюда,
мы потеряли дар
мышления... и речь. Но
пока жуём. – Потом
дрейфующим китом –
огромным влажным ртом –
нас перемелет вечность

Здесь тишина – как чад,
и слышно по ночам,
как в трюмах, одичав,
изнемогают грузы
Ленивый липкий ил
нам заполняет сны –
один крошечный ил
да скользкие медузы

Да и была ль она –
блаженная страна,
куда стремились для...
чего? – Мы всё забыли...
И жить обречены
без солнца и луны,
неразличаемы
для небыли и были

И корабли стоят...
Года, века подряд
скелеты их скрипят
от сырости и стужи,
съедаемы, как миф,
шеренгами мокриц,
червями изнутри
и временем – снаружи

Доволен ты?
...Смотри...

2009

Мунк. Крик

здесь
я
вот он – я
весь
целый
цель
цель-тесь!
чтобы я тихо так странно в осколки сплошные
осколки как небо как небо как небо как небо
там, над
головой
голый?
вой?
волки!
я – не был – чтоб – в лоб
только тише ради бога тише мы как мыши
пишем слышим дышим
ши-и-и-и-и-иш-и-им
где я?
здесь
пока еще
есть
я иду
по мосту
и шаги мои гулки
гулки
гулки
гулки
гулки
гулки
и осколками – колко – земля...
Я-я-ааааааа!

Над вечным покоем

Здесь давно уже не звонят.
И не служат. Распад. Разруха.
В церкви был, вероятно, склад –
ничего не осталось. Ухо
различает всего два-три
звукоряда: как трутся ветки,
да общаются воробьи,
да стропила скрипят под ветром.
И могилы совсем пусты –
ни оград, ни венков... Эпоха.
Покосившись, глядят кресты
сквозь колючки чертополоха.
И еще есть какой-то взгляд –
сверху, кажется... это кречет,
распластавшись, летает над
позабытым покоем вечным.

Звонят...

2011

Кустодиев. Масленица

Каждый год на Москве
в марте ли, феврале
повторяется снова и снова:

провожаенье зимы,
и гульба, и костры,
и катание на Воробьёвых.

Всё как будто навек:
этот визг, этот смех,
и мороз, и румяные лица...

На горе, под горой! –
и снежок молодой
всё искрится, искрится, искрится.

А под нами – Москва –
крыши да купола,
там, в домах, на столах деревянных –

ждут, томленьем полны,
кружевные блины,
да под водочку, да со сметаной!

Се шестнадцатый год.
Веселится народ
и гуляет, и пляшет, не зная,

что на сотнях голгоф
миллионы крестов,
словно шерсть, из земли вырастают.

Что там будет потом? –
смерть, разруха, содом –
нет, не с нами, конечно, не с нами!

И пока, и пока
жизнь сладка и легка
и блестит, и скрипит под санями.

2013

Тарковский

1. Зеркало

Начинается дождь. Не стреножены кони –
и гоняют по лугу, друг друга дразня,
малой птахой душа улетает с ладони,
и дрожит сквозь ладонь нетерпенье огня.

Изнуряющий сон повторяется, длится,
как болезнь, от которой не в силах помочь
ни один порошок – там забытые лица,
и пожар, и тревога, и детство, и ночь.

Наклоняясь, прекрасная юная мама
моет голову... льётся, стекает вода...

а она над незримыми грудами хлама
удивленно парит, возвращаясь туда,
где вчера, обомлев, перепуталось с завтра...

...и рассеянно смотрит откуда-то из
неземного сегодня – и видит внезапно
всю свою драгоценную страшную жизнь.

Здесь слепая эпоха вспотевшей рубахой
прижимается к телу – и душу дробит
сумасшедшая белая музыка Баха...

...шелестенье травы, трепетанье раки...

Дождь идёт и идёт....Одинокий скиталец,
Омывая коней, он идет без конца...

Влажный след – от стакана – стремительно тает...

...и деревья, и ветер....

И голос отца.

2. Солярис

Они являются во сне. А спать же
когда-то надо.

Кто ты? Кто?

...Прости...

Скажи мне: что со мной?

Что будет дальше?

Не знать.

Не оправдаться.

Не уйти.

Как просто всё закончится.

Всё это.

Ни газ, ни нож, ни яд, ни пистолет

Аннигиляция...

Хлопок.

И вспышка света...

Как не было.

И – не было.

И нет.

А я вернусь домой,
на дряхлый шарик,
умчавшийся на много лет вперед.

Где тоже ни-ко-го.

Есть только память.

И стыд.

Который,
может быть,
спасёт.

3. Колокол

И только скрип...

язык

канат

язык

туда

сюда

вперед-назад

летая

еще чуть-чуть – и он коснется края

и вот тогда, тогда...

но только скрип...

еще чуть-чуть, сейчас –

родится звук

единственный

и этот звук разбудит

другие звуки: засмеются люди

и лошади заржут; как в сказке, вдруг

затенькают бубенчики коров,

до этого молчавшие; в оврагах

проклюнутся источники; и влага

заплещется в гортанях у птенцов

еще чуть-чуть...

Со мной все время кто-то говорит

и повторяет: слушай, слушай, слушай...

но только скрип мне наполняет уши,

а колокол все так и не звонит.

2010

Читая Михаила Чехова

Уже давно преследует меня
Один и тот же морок, сон, истома:
Как будто в темноте взбираюсь я
По скользкой лестнице пустого дома.

Ногами чувствую я каменную гладь
И наклоняясь, трогаю ступени;
Но где иду я – не могу понять –
Такая темень, что бессильно зренье.

Вокруг меня огромный черный дом,
Но наверху – будто маячит что-то;
Я поднимаюсь – медленно, с трудом...
И не добраться до конца пролета.

И всякий раз, когда пытаюсь я
В уме построить целиком все здание, –
Ответ, уже готовый, как змея, –
Выскальзывает ловко из сознания.

И выбрал ночь я, ночь как волшебство,
С особою печатью неземного;
И стал, как Гамлет, вызывать Его,
Перебирать впотьмах за словом слово:

«Откликнись, кто б Ты ни был наконец:
Господь, Иисус, – любое имя Бога, –
Скажи – Создатель, Абсолют, Отец, –
Среди каких камней моя дорога?»

Ответа не было – молчал подлунный свет...
Молчали звезды, ночь, молчала осень...
И понял я: это и есть ответ,
И он – во мне, в самом моем вопросе.

И вот – чуть ярче вижу, чуть ясней
Ступени, по которым я ступаю:
Мое страданье каждое – ступень, –
Хоть это наконец я понимаю.

А наверху – там дверь, за нею – свет;
Я вижу – он струится из-под двери.
Но и теперь конца ступеням нет
И каждая ступень – мои потери.

Я и порога двери не достиг,
Не знаю даже месяца и часа;
Я – «вне» еще, снаружи, ученик
Пока подготовительного класса.

Но все равно – за каждую ступень,
За каждую частицу световую,
За то, что я учусь, за это «вне» –
До трепета судьбу благодарю я.

1987

Перевозчик

(Читая Гессе)

Я поселился здесь когда-то, –
На берегу,
Что чертит в сторону заката
Свою дугу.

Ко мне приходит много люда,
Кого нужда
Зачем-то гонит прочь отсюда
Попасть – туда;

И я их всех за горстку денег,
Как чрез межу, –
Чрез реку – с берега на берег –
Перевожу.

А на меня глядит годами,
Глядит всегда,
Жемчужно-синими глазами
Моя вода.

А лишь свои глаза закрою –
Издалека
Уже беседует со мною
Моя река.

Вот слышу – гроыхает пенно,
Тиха опять...
И научился постепенно
Я понимать.

– Да, я меняюсь, – одиноко
Твердит она, –
– Но я от устья до истока –
Всегда одна.

Вглядись, взглядишь в мое течение,
Пойми, пойми, –
Что вечность – то же, что мгновенье,
Что дни – не дни.

Все пребывает в настоящем,
Ни дней, ни лет –
Нет в мире времени. А значит –
И смерти нет.

1995

Шекспир

1. Дальнейшее – молчанье

Всё кончено. – Ты победил. И не
осталось больше злых и виноватых...
Мушиной одинокой тишине
теперь жужжать над сценою, лопатой
тихонько расковыривая грунт
для общей примиряющей нирваны,
в которую, качаясь, унесут
тела четыре пьяных капитана –
ведь занавеса нет на сцене той.
И, тишину взбивая, словно масло,
неотвратимо на помост пустой
уже вступает войско Фортинбраса.

2008

2. Гертруда

Какая-то в державе датской гниль...
Офелия, бедняжка, утонула...
... А воздух содрогается от гула
орудий извергающихся. Пыль

проносится по улицам, когда
свой кубок вновь опустошает Клавдий...
И ложь не отличается от правды,
где серыми становятся цвета.

Пыль забивает лёгкие, глаза –
дышать и видеть не придётся вскоре...
Как душно, душно, душно в Эльсиноре!
и жажда непрерывная... Сказал

какой мудрец, что истина – в вине?
Ах, Гамлет! – ты поймёшь меня едва ли...
В бокале – яд. Я знаю – яд в бокале.
Но пить, я пить хочу!
Позвольте мне...

2009

3. Лир

Полынь, полынь... везде одна полынь...

Покоя захотелось? Твой покой –
косматый зверь на вросших в землю лапах...
нет, это ветер, ветер... сиплый вой
и запах, запах, нестерпимый запах
на языке...
...так дуй же, опрокинь...

полынь, полынь...

и черные, слепые, как кроты,
под рёв остервеневшего органа
уже ползут ко мне из темноты
солдаты Гонерильи и Реганы

не надо, растворись, исчезни, сгинь...

попынь, пыпынь...

не то, не то... возьми меня, Творец,
засунь за щёку, обсоси и выплюнь
– чтоб голым стал я, словно леденец –
обратно в жизнь –
... и выдержал,
... и выплыл,
колеблемый тяжелою волной,

...пыпынь, пыпынь...

в покой, в покой, в покой...

2009

Читая Юхана Бергена

1. Вверх и вниз

И – вверх

я вижу:

поле, на котором

пасутся лошади.

И пруд. Вокруг него –

кусты.

За ними – холм (какой-то голый),

а за холмом не видно ничего.

И – вниз

вот здесь мне всё знакомо:

качели, стол, и скатерть, и трава,

окурки, стулья, ноги...

здесь я дома –

я возвращаюсь, падая.

Едва

не выронив меня, отец тревожно:

– Ну что, ещё? Боишься?

– Не боюсь.

– Тогда лети! Чего ж ты не смеёшься?

И я смеюсь.

Раз надо – я смеюсь.

И снова вверх,

и снова жизнь другая

там – за холмом, за горизонтом, за...

Отец меня кидает и кидает.

И у него тоскливые глаза.

2. Мухи

они умирают почти сразу
мухи
садятся на желтую ленту
прилипают идохнут
превращаясь в маленькие черные
точки
но некоторые (одна-две, не больше)
самые жирные
никак не хотят умереть
все бьются, бьются
жужжат, жужжат
жужжат
совесть

2012

3. Паутина

Я просыпаюсь. Где – не пойму
полон мой рот земли,
по телу голому моему
бегают муравьи.
Кажется, все-таки это лес,
где-то шумит вода...
Какого рожна я сюда залез,
как я попал сюда?
Везде паутина – висят, блестят
нити по всем кустам.
За мною следят – я вижу глаза

там, за кустами, там.
Бегу – и рву паутину ртом,
прочь – на призыв реки,
но здесь – на её берегу крутом –
ждут меня рыбаки.
Им весело. Смех. Я слышу их смех.
Прыгаю, пробую плыть...
Они смеются: «Давай, человек, –
будем тебя ловить».
Я – выдыхаю. Иду на дно,
плавно иду на дно
я медленно, плавно иду на дно.
Дно. Я иду на дно.
Но главный рыбак, бородатый гном,
полтрубки зажав в горсти,
кричит, подцепляя меня багром:
«Теперь ему не уйти!
Теперь ему вечно кружить в кольце,
теперь он наш общий сын».
Я – просыпаюсь.
А на лице –
ниточки паутин.

4. Танец

И звучит эта адская музыка
А.Блок. Балаганчик

на сцене эти двое
расходятся сближаются
сплетаются сливаются
в движениях простых
ты слышишь эту музыку
ритмичную музыку
заманчивую музыку
и ты глядишь на них

в какое-то мгновение
мгновение мгновение
когда на них ты смотришь
на ногу на живот
то происходит вот что
смещение зрения
объекта искажение
и видишь только вот

случайное сцепление
туловищ и конечностей
туловищ и конечностей
конечностей и тел
и не разберешь
где мужчина где женщина
мужчина где женщина
какой-то странный зверь
он крутится и прыгает

прыгает прыгает
и он все машет лапами
блестящими, но вот
сейчас он спрыгнет на пол
он спрыгнет на пол
и после по квартирам
пойдёт пойдёт пойдёт

с другими такими же
и их число все множится
а их число все множится
танцующих ребят
но нечего тревожиться
особенно тревожиться
но незачем тревожиться
ведь им не до тебя

а ты давай обедай
обедай обедай
а ты пока обедай
сиди в своем кафе
они придут к соседу
соседу соседу
они придут к соседу
не бойся – не к тебе

случайное сцепление
туловищ и конечностей
туловищ и конечностей
туловищ и конеч...

2013

Бабель

Брызги...

они разлетаются в разные стороны
и не разобрать – это кровь или хорошо окрашенная
вода
но почему-то превращаются в семена,
в семена и споры
и разносятся ветром, зверями, подошвами нашими –
туда
где сумеют вырасти, убежать от смерти
иногда они попадают в песок, но гораздо чаще
в жирную, хорошо удобренную
почву
ни одно железо не входит в человеческое сердце
так леденяще
как поставленная вовремя
точка.

2010

Набоков

Стеганое небо мягко греет / землю, и прозрачен,
и лучист/ каждый шов;
красуясь, по аллее /нарезает велосипедист/
петли и зигзаги;
как ракета, / носится кобель, зачем – бог весть,
и горит, пропитанная светом, /черная
взъерошенная шерсть;

это всё – девица в платье пёстром
(на щеке её – царапина),
лопоухий мальчик, тот, что смотрит
из полуоткрытого окна,
даже дырка у меня в кармане
от расчёски или от ключа –
всё, по сути, – лишь изнанка ткани,
золотом расшитой, как парча.

На «лице» этой ткани незримой иголкой –
осторожно, воздушно, намеком, едва –
вышивается смысл, проявляется образ,
лишь усилие одно – и проступят слова.

2014

Уитмен

...И ребенок спросил: что такое трава?
взрослый или младенец, жива иль мертва?
Я ответил ему: я спешу, мы спешим,
наши души – в приборных панелях машин,
а тела наши жить успевают едва –
ну откуда мне знать, что такое трава?

...Говорят, что однажды, не знаю, когда –
разозлится на город большая вода,
и появятся женщины цвета воды,
на асфальте ночном оставляя следы,
и тогда – молодые, в годах, старики –
мы войдём в ледяные объятия реки.

По следам, по следам, выбиваясь из сил,
погружаясь до бёдер в коричневый ил,
будем молча брести много дней, много лет,
до тех пор, пока снова не выйдем на свет –
в том краю, где ни войн, ни болезней, ни ран,
в том краю, где впадает река – в океан.

и когда мы туда доползём, добредём –
то мы станем водой, и мы станем дождём,
превратимся в траву, но сперва, но сперва
наконец-то поймём, что такое трава.

2012

Олеша

Под ветром накренились кроны,
как бригантины на волне –
и несколько шаров зеленых
сорвались вниз – и удивлённо
под ноги выкатились мне.

Один я поднял. Очень странным
древесный оказался дар –
он мог, наверно, быть каштаном, –
таким... тропическим каштаном...

Но нет.

Ты кто, зеленый шар?

...Я думал, жизнь – сплошное лето,
сплошное, вечное кино,
над всем я властен в мире этом,
и пусть успех гуляет где-то –
ко мне придёт он всё равно.

И солнца мяч – горяч и прыток,
и ветер мой целует лоб...

...Срастётся всё – само, без ниток...

И предвкушения напиток
я пил глотками и взахлёб.

Нет, не срослось. Да и не нужно.
И ладно. Сколько ни зови
фортуны голосом натужным –

не будет ничего – ни дружбы,
ни вдохновенья, ни любви,
ни божества...

Но есть возможность
идя по жизни налегке,
увидеть шар в пыли дорожной,
зелёный шар – и осторожно
поднять и подержать в руке.

2010

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Лето
кончается.
Осень
заносит
листьями цвета
осени
лето.

Это –
осень.

После
некто
придет
и погребет
под снегом
белым
осень,
лето,
дома.

Это –
Зима

настанет.

Но
все равно
снег
не навек –

как человек,
растает

где-то
он без следа.

Это –
вода,
это –
весна
льется,
бурлит,
сверкая...

Так, господа,
будет всегда...

Вот ведь беда
какая.

2007

«Эти звуки, что слышу снаружи –
тревожат, корежат, или нет –
будоражат и душу, и плоть;
в понедельник попробовать нужно,
попробовать, может,
как сказал бы поэт,
воскресением смерть побороть».

1997

Весна!

Весна!

весна...

Как выйдешь из подъезда,
как полной грудью воздуха глотнёшь –
и ничего-то в голову не лезет,
а только вот:
весна, ядрёна вошь!

Хотя уже не то...

я раньше тигром
выпрыгивал на волю из квартир,
и тело каждой обнажённой фиброй
ловило пробуждающийся мир.

Теперь же...

все равно чего-то хочешь,
но...

да, весна, весна...

А толку в ней?

Какое дело мне до этих почек,
когда свои давно полны камней?

Теперь я ближе аду... или раю,
теперь меня усталость кормит с рук,
и всё-то видел я, и всё-то знаю...

А вдруг?

2010

Весенняя ворчалка

Не для меня придёт весна

Опять весна, чтоб черт ее подрал!
О, как я, бляхамуха, ненавижу
весь этот грязный снег, всю эту жижу,
и шум, и гам, базар-шмокзал-вокзал!

Нет, на природе – может быть, оно
и ничего. А здесь и воздух спёртый,
и, главное – куда ни бросишь взор ты –
одно говно. Везде одно говно!
Собачье, блин.

На законных кронах
гнездятся неопрятные вороны –

ну, вот одна – устроила гнездо
насупротив, аж на верхушке самой,
и смотрит, и кричит: Я стану мамой!
Я скоро, скоро, скоро стану мамой!
А ты – ты стар! Ты стар!

– Заткнись! Не то –
как вспомню детство, как возьму рогатку –
ты у меня пойдешь плясать вприсядку
и полетишь, родимая, в траву.
А может, в снег...нет, все-таки на травку...
Да ладно, я шучу. Живи, мерзавка.

И я еще, пожалуй, поживу.

Ни о чём

Сам на диване, а ноги – на табурет.
Птички поют – за окном, наконец, весна.
Вроде и ждал, только радости что-то нет.
Впрочем, как и печали. Махнуть бы на
Гвадалквивир какой-нибудь, мать его,
Баб-эль-мандебский пролив, да хотя б в Непал,
в Катманду... нет, не хочется ничего.
Нервы ни к черту. Наверное, я устал.
Давеча вот на сыне сорвался, за
очередную пару. Растёт балбес.
Снова соседи ругались. Была гроза –
первая в этом году. И Христос воскрес.

2013

Лето
На даче в Быкове

Ветка сосны в окно-
дескать – подъем!
Солнце растворено
в небе своем.

Утро. Там, во дворе,
моется кот
и неизвестная мне
птичка поет.

Выйду, хоть в голове –
все еще сны.
Капли росы в траве,
запах сосны.

Только что создан мир.
Только, видать,
руки Господь умыл,
лег отдыхать.

Я же, наоборот,
встал и иду.
В сердце такой... компот
(слов не найду).

Так ведь и не нашел,
разве что – вот:
«Господи, как хорошо!
Птичка поет»

Диалог с дождём

– Послушай, ну чего ты всё идешь?

Уже, ей-бо, повеситься охота...

Какой зануда ты, ядрёна вошь...

Послушай, ну чего ты, ну чего ты?

– А я косой, ты понял? Я косой!

На грудь я принял, так что взятки гладки...

Останови, попробуй! Нет, постой –

еще полью вон те приятны грядки...

– Какие грядки, к черту? Ты не шланг,

оставь уже, пожалуйста, в покое.

Соорудил тут форменный цуцванг...

(хоть я не знаю, что это такое)

– Ха-ха, хе-хехе-хе, хо-хохо-хо!

а я по лужам, я, ура! По лужам!

Я здесь гуляю, шустро и легко,

я нужен лужам, я лужайкам нужен!

– По лужам? Да, я вижу – пузыри...

и что? Какая радость в них? Охота

тебе гулять по сырости... Смотри –

какая слякоть... глупый обормот ты...

– Да ладно, не сердись! Давай вдвоём

гулять по лужам! Что нам я и ветер!

Пойдём, пойдём, давай, вставай, пойдём...

Мне без тебя и солнышко не светит...

– А что? Пожалуй... Черт с тобой. Пошли.

Брать зонтик? Что? Не надо про приметы...

Ты не кислотный часом? Подожди

еще чуть-чуть... Ну вот – я вышел.

Где ты?

Ночное

У фонаря танцуют в белых
нарядах бабочки. И в такт
вдали дрожит бетонным телом,
изнемогает Минский тракт.

Там, словно гончие по следу,
ноздрями разгоняя чад,
всё едут, едут, едут, едут,
ползут, снуют, рычат, спешат –

туда, где на холмах покоясь,
на золотой цепи – поёт,
бормочет сказки мегаполис –
огромный лукоморный кот.

А здесь все тихо. Смутно. Поздно.
И сосны спят, покой даря.
Веранда, ночь парная, звёзды
и бабочки у фонаря.

2009

Невидимый град

...А тучи всё ниже и ближе...
созвездья уже не видны,
лишь соком сияющим брызжет
лимонная долька луны.

И словно на фотобумаге
из тьмы проявляется – над
бессонной московской общагой –
какой-то неведомый град.

Легко, хаотично, случайно
вздымаются из облаков
мерцающие очертанья
дворцов, теремов, куполов.

Послушный незримому взмаху,
плывёт, колыхаясь, туман,
и слышно: прелюдию Баха
надмирный играет орган.

Но город дрожит и, помедлив, –
дождём с потемневших небес
стремглав оседает на землю...
и вот – растворился, исчез.

И... всё. Было, не было? Вроде –
мираж, наваждение, чушь...
Но бродят обрывки мелодий
среди замирающих луж.

2009

Ночная стилизация

Ночь такая – не напиться, не повеситься
ни стихи, ни сигареты не нужны
черпает нирвану ложка месяца
из фарфоровой тарелки тишины.

Не грусти, не обижайся, не обманывай
так свободно не дышалось с давних пор
словно в душу мне звездою мандельштамовой
кислородный сделали укол.

Завтра снова всё проснётся и закрутится
заметут, завьют, завоют дни
и покатают в коробчочках по улицам
люди добрые... Но пусть поспят они.

Спите, спите, горожане, спите, дачники
спите, дальние, родные и враги
помоги мне полюбить их, ночь прозрачная,
помоги мне, помоги мне, помоги.

2011

Лесу

Ну, привет тебе, лес. Это я. Говорю, это я!
На минутку всего – ничего мне не надобно, кроме
разве что извиниться: вчера придавил муравья –
он теперь, бедолага, наверно, находится в коме.

Как спалось тебе, лес? Как стекала ночная смола
по столетним стволам, заживляя порезы и раны?
Как подрост твой подрос?

Равномерно ль дышала земля,
И достаточно ль влаги она извлекла из тумана?

Исполать тебе, лес, исполать, исполать, исполать!
На полатях твоих каждый день просыпается лето,
я с пеленок почти – ощущаю твою благодать,
и, чего тут скрывать? – я тебе благодарен за это.

Если б был я поменьше, живи я лет двести назад,
если б не был я нем,

если б верил хоть чуточку чуду, –
я сказал бы тебе... я такое б, поверь мне, сказал...
если бы да кабы... я б такое сказал!
Но не буду.

2012

Осень

Триолеты дождя

Дождь.
Дождь моросит.
Ноет, зудит
Дождь.
«Долго живешь», –
он говорит.
Дождь,
дождь моросит.
Спит
город ночной,
мокрый, больной, –
спит.
Тихо храпит,
полон водой,
спит
город ночной.
Рой
у фонарей,
капель видней
рой.
Шторы открой –
в свете огней
рой
у фонарей.
Лей,
медленный дождь,
после поймешь –
лей.
Множество дней

переберешь,
лей,
медленный дождь.
Ждешь
тысячу лет,
точно ответ
ждешь:
медленный дождь
кончится, нет?
Ждешь
тысячу лет.
Нет.
Нет ничего.
Кроме него,
нет.
Вот и ответ:
кроме него,
нет,
нет ничего.

1995

Падают розы

Любе Мироновой

Однажды, одурев от трех часов подряд
сиденья за компом, не изменяя позы,
выходишь ты во двор и видишь – розопад –
падают розы.

Откуда? Почему? Ведь вроде не сезон –
еще денек, другой – и к нам придут морозы,
но облаком цветным сминая горизонт,
падают розы.

И кто-то скажет: А! – Смерч был в Голландии,
(для наших-то широт он не таил угрозы),
и вот, сорвавшись с клумб, летят, как листья, и
падают розы.

Не верю – крикнешь ты – что мне до Нидерланд!
Мне дела нет, клянусь, до вашей скучной прозы,
я знаю: для меня, и только для меня
падают розы,
падают розы,
падают розы...

2007

О ветре

Был сильный ветер, и его метла
сносила листья с крон. Они летели.
не вниз, а вдоль земли они летели
летели не туда, куда хотели...

Их маленькие желтые тела
которым и хотеть-то нечем было,
течение воздушное крутило
и било...

...И чего-то защемило
так... уколело, будто бы игла.

И я подумал...что же я подумал?
банальность я какую-то подумал
так, ерунду какую-то подумал
фигню подумал, честно говоря
что, дескать, мы...хотя, точнее, я...
...вот так же... вскоре...
...всё равно всё «мене»...
...и нечего мечтать о перемене...
...и говорить мне хочется всё менее...
...не лучше ли тогда ни ме, ни бе?...

Короче, стало мне не по себе
Всё из-за ветра, видимо...

2010

О пиццах

Ах, эта осень! Что-то мне не спится...
Встаю, иду на лоджию – и вдруг
я вижу: мимо пролетают пиццы
в Италию, наверное. На Юг.

Как виражи выделывают смело!
То вниз, то вверх, потом назад, и вновь
вперед, вперед... и жирно моцарелла
стекает с подрумяненных боков.

И, глядя, как они шныряют ловко,
кричу я сквозь оконное стекло:
Забудьте Юг! В моей микроволновке
вам тоже будет сухо и тепло!

Нет, фигушки. Томатами покрыты,
взметнулись ввысь, над крышами кружа,
и улетели... только Маргарита
мне помахала краешком коржа.

...Уносят годы бытия частицы,
торопятся... куда? зачем? на кой?
Жизнь улетит, как жареная пицца
и даже не помашет мне рукой.

2011

О грибах

особенно жалко маленьких опят
такими... пупырышками, понимаешь, торчат
делая кору похожей
на крокодиловую кожу
и спят
и видят себя взрослыми,
самостоятельными лопухами –
они заседают в парламентах пней
становятся всё талантливее и умней
и зарабатывают на жизнь
стихами
но я их талантам разрастись не даю
а я их зачем-то, увы, варю
делая темными и бессмысленными, как овощи
и превращая в какую-то, прости, господи, нежить...
...а на бревне они такие красивые
такие беспомощные
и так их хочется срезать.

2011

В ритме вальса

Дождь всё хлещет. И дно рукотворной реки
отражает ночных фонарей огоньки
и машин припаркованных ряд.

Там – в потоках воды, наверху и внутри
моментальную жизнью живут пузыри
да опавшие листья горят.

Как их много на дне этой странной реки!
Выставляют наружу носы-черенки –
желтый мусор, беспомощный хлам...
Их, наверное, завтра уже заметут...
Почему же мне кажется, будто иду
по телам, по телам, по телам?

Но какой-нибудь ночью, чернея, как смоль,
за отцовские – страх, унижение, боль –
отомстят мне сполна сыновья:
знать, пройдет еще сколько-то тысяч минут –
и они, вдохновенно кружась, упадут
на меня, на меня, на меня.

2012

Осенняя жужжалка

Меня сегодня посетила муха
и громко, оскорбительно для слуха
давай жужжать: жу-жу, жу-жу, жу-жу...

Послушай, муха, что тебе скажу:
Там холод, смерть, а здесь, внутри, тепло.—
Чего ж ты, дура, бьешься о стекло?
Угомонись, присядь ко мне поближе —
я гуманист, я мухи не обижу.

Но муха продолжала всё равно.
Тогда я встал, рывком открыл окно
и выпустил её.

— Где, смерть, твоё ожало? —
недоумённо муха прожужжала
и улетела в трепетную тьму.

А я сказал неведомо кому:
Ты слушаешь? Да знаю, знаю я,
что слушать это и терпеть меня —
невмоготу, нет сил, невыносимо,
что мимо нот и даже жизни мимо...

Но всё же, всё же, всё же, ради Бога —
позволь мне пожужжать еще немного.

2013

Зима

Снег кружится

1.

В столице зима
Дома
вереницей
Белая птица шурша
на земной шар
садится
несмело
Тело о-
коченело о-
цепенела душа
Дыша
клубами машин
глыбы плывут
как глубо-
ководные
рыбы светясь
лбами
В раме окна
фонарь
двоится точно
глазницы сома
Ночи
тьма
Снится
лиц кутерьма
Зима
Снег кружится

1994

2

Останься пеной, Афродита!
О.Мандельштам

Снова зима.

Снег – посмотри –
падает, тает.

Через дома

кружится и Прямо с небес

перелетает. падает вниз,

льется без меры,

времени без,

времени из,

из ноосферы.

Хлопья летят
звуков, стихов –

крутит их ветер,

чуть шелестя

клочьями слов

и междометий.

Щебет и свист,

правду и ложь –

в кружево вяжет;

и, как ни тщись, –

не назовешь Это – волна

именем даже. в море без дна,

пеной покрыта;

только одна

пена, волна – А фонари

не Афродита. гасят огни

в белой Вселенной.

Не говори,

не говори –

будь только пеной.

1995

3

Там, где-то высоко –
упругий дует ветер,
крутя, как жернова, тугие облака,
и сыпется, его
стараниям ответив –
небесная мука, небесная мука...

И ты, разинув рот,
таращишься на белый,
сжимающий гортань, стремительный поток,
не ведающий сна, усталости, предела...
и лишь «не может быть!»
твердишь, как дурачок.

Не может быть – чего?
Наверно, это снится,
но бесконечен снег, слетающий с небес...
Внимательней смотри –
там жизнь твоя кружится –
какой густой замес,
какой пустой замес...

Летят обрывки снов
и слов – и тот же ветер
несет клочки надежд и веры островки...
И все ж – из этих вот
бессвязных междометий –
слепляются стихи,
спекаются стихи...

2007

Новогодний сонет

Когда еще один истает год,
иссякнет, отойдёт, загнётся старый –
тогда, хмельной, под мерные удары
вскочу – сейчас, сейчас шестой пробьёт! –

и закричу: Виват тебе, одна-
единственная жизнь! Бокал подайте!
– И буду пить игристое Вивальди
глоточками, глоточками – до дна,

смакуя каждый маленький глоток
птенцом в гнезде – из материнской глотки,
и каждый новый выдох, новый вдох,
и тот новорождённый день короткий,
что нам подарит новая заря –
благословляя и благодаря.

2009

Рождественское

Это время, когда разрешается чудо,
и, послушна ему, отступает тоска;
и вихрастый, невинный ребёнок Иуда
выпекает коржи из песка.

За далёким окном вылупляется сказка
из хрустального шара... Чудные дары
нам везут на верблюдах, санях и салазках
бородатые Деды-волхвы.

Подарите мне... нет... это, кажется, слишком...
дайте чудо в рассрочку, в кредит:
чтобы завтра проснуться наивным мальчишкой,
у которого всё впереди.

2009

Весны не будет

Ледяная зима – словно глаз василиска:
стекловидный, морозом налившийся шар,
с одиноким, багровым, мерцающим диском –
и опять цепенеет душа.

Закрывается он – и тогда с небосклона
опускаются с тихим шипеньем, дразня,
поседевшие змеи Медузы Горгоны,
превращающей в камень меня.

Замерзает душа, и сознание гаснет.
Паралич. Как бороться мне с ним,
Если сразу, навек, ослепительно ясно,
что не будет, не будет весны?

2009

Черновик

За окошком бело
ночью так намело,
будто наземь бумага легла
и фигурки людей,
словно буквы, на ней
оставляют свои письма.

Сразу набело. И
посмотри, посмотри
как причудлива чёрная вязь
и какие слова
люди пишут, едва
пробудившись, сходясь, расходясь.

А под грудой листов
междометий, слогов,
под завалом невидимых книг,
позабыв про дела,
до весны, до тепла
отдыхает земли черновик.

2010

С лоджи

А было: ветер, ночь, пурга, январь...
Березы черные вопили: Боже,
за что ты нас, за что, за что, за что же? –
Качались и молились на фонарь.

А тот, в летящей снежной бороде,
холодный, одноногий бог-калека
искал, искал зачем-то человека,
но нет, не находил его нигде.

А человек, укутав нос и рот
воротником, подставив ветру спину,
куда-то шёл, но как-то сразу сгинул –
должно быть, повернул за поворот.

2013

* * *

Снег наконец-то лёг. Как падишах,
раскинулся на стынущем диване
и всё на свете – от зевак до зданий –
как в общей бане, уравнил в правах.

А после, ночью – голоса лишил.
Деревья верноподданно согнулись,
но притаились в лабиринтах улиц,
в дворах безмолвных – призраки машин.

Они взлетят – бесшумно, вопреки
земному тяготению, легки,
как бабочки; и, словно на параде,

колонною победной – за моря
отправятся... а в том – ты видишь? – я...
И снег прощально по щеке погладит.

2014

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

Диоклетиан

Послать все к черту, к черту, к черту, к черту,
проклясть и власть, и страсти остроту;
и долгу острой пробить аорту,
переступить черту, черту, черту.

Бежать, сбежать, выращивать капусту
в какой-нибудь заброшенной дыре,
где звезды небо облепляют густо,
точь-в-точь кутята суку – в конуре.

Залечь, забиться, сгинуть, затаиться,
забыть всю эту муть и ерунду;
и спать под небом, как земля и птица,
в своем саду, в своем, своем саду.

И наблюдать, как из земли упорно
ползут растения и сохнут в свой черед,
и там, под ними, шевелятся корни...

Что, если и капуста не взойдет...?

2007

ЗабоРильки

Деревья складками коры
нам говорят о короедах,
личинки коих, пообедав,
и заболонь в обед отведав,
ведут неспешную беседу
и спать ложатся до поры.

Там, под корой, свои миры:
там кучи резвой детворы,
которой страх пока неведом,
за воспитателями следом
гоняют весело с горы
на маленьких велосипедах.

Там выползает из норы
огромный червь, царица ели,
старательно переварив
все то, что съела на неделе,
она кивает еле-еле –
и вот уже к ее постели
везут привычные дары.

Но основная жизнь – пиры:
едят везде, едят повсюду;
не успевают мыть посуду;
несут, несут за блюдом блюдо...
Так отдаются чрева блуду,
что только треск из-под коры.

Едят свой дом они, спеша –
ведь он на время им сдается;
и погибает дом, сдается,
кора трещит, на части рвется
и осыпается, шурша...

Не умирай, моя душа.

Франциск Ассизский

Представляете: мир – он висит вверх ногами –
все в любую минуту готово сорваться...

Готово сорваться...

Слово неосторожное – словно цунами –
потому – аккуратнее, ласковей, братцы,
ласковей, братцы...

Братцы мои, братцы...

Представляете: мир – это тоненький шарик
надувной – потому – осторожнее с острым...

Осторожнее с острым...

И огонь – он ведь тоже способен поранить –
я прошу – милосерднее, сестры,
милосерднее, сестры...

Сестры мои, сестры...

2007

Арахна

О, я умела ткать!
Из пелены тумана свивала нити,
тонкие, как свет,
и выплетала ими покрывала,
каких на свете не было и нет.
Паллада мне завидовала...
речь не о ней – в бессилии, со зла –
она наколдовала –
чтобы вечно висела я – и медленно плела
материю – тягучую, как время,
летучую – как человечьи дни,
прекрасную, как прежде... –
но теперь мне всего важней, что липкую...
прильни,
хоть прикоснись, томящийся прохожий,
за нитью поспешающий Тесея,
к моим сетям –
познай, почувствуй кожей
сладчайший плен материи моей! –
плен Красоты спасающей...
ведь яд мой – целебен, верь...
ты так мне дорог! И –

так из тебя – до су-до-рог – приятно
высасывать последние мозги...

2008

Блудный сын

... и ждать.
лишь когда ледяная
ослепнет, заглохнет вода,
и мёртвая гончая стая
по небу зарыщет; когда
как ящерки, беглые тени
скользнут под защиту крыльца –

войти.
и, упав на колени,
прижаться к коленям отца.

и вот, ощущая всей кожей –
скитаньям и снам вопреки –
до хрипа, до спазма, до дрожи –
касания этой руки,
услышать – сквозь пение ночи,
сквозь лепет её травяной:
– ну что ты? не бойся, сыночек –
ты здесь. ты вернулся домой.

Балкон. Опершись на перила,
курю в остывающий мрак:
О, если бы так это было!
Ах, если бы, если бы так...

2009

Прокруст

Я с младенчества, кажется, правду искал
и – бастард, посеídoнов отбросок –
я колючкой скитался по разным местам –
всё с одним надоевшим вопросом:

Что есть истина? – Дёргал и этих, и тех,
и к богам обращался, поверьте,
но в ответ слышал смех, издевательский смех –
что им правда, не знающим смерти?

И тогда я решил не искать, но владеть –
это право с рожденья дано нам –
И поступки, идеи, слова и людей
стал я мерить *своим* эталоном.

Умножающий суть – умножает и боль,
на открытые раны – да солью.
Ты желаешь знать истину? – Ладно, изволь, –
но не думай, что это не больно.

Я зову вас. Я жду. Так спешите на клич –
пусть наполнится криком и хрустом
всё пространство земли – чтобы правду постичь
под тяжёлым правилом Прокруста.

2009

Рапунцель

Из смутного детства, из памяти ранней,
из влажного кокона воспоминаний,
по переплетенным тропинкам сознания
явилось, пробилось одно заклинанье:

Рапунцель, Рапунцель, проснись!
Спусти свои косыньки вниз!

И, словно по тросам, проворным матросом
вскарабкаюсь я по сверкающим косам,
на башню седую взлечу – не взойду –
и вот я – в саду, заповедном саду...

С кленовою тросточкой, в длинной рубаше
там встретит меня старичок Амфибрахий,
и руку протянет, и скажет: пойдём
туда, где, омытая лунным дождём,
за солнечным раем, за сумрачным адом
тебя ожидает страна Эльдорадо,
и в ней ты найдешь, среди деревьев и скал
всё то, что желал ты, о чём ты мечтал...

Но разум стучится в затылок, как дятел:
– приятель, ты скис, окончательно спятил,
на что, подскажи, у тебя голова?
Рапунцель – растение, всего лишь трава,
салат, сельдерей... Чем ты думаешь, право?
Смешная приправа, пустая приправа...

...Тогда почему ж, как мольбу – палачу,
я то заклинанье всё время шепчу?
– Вот перед тобою я – голый и босый...
Спусти свои косы!
Спусти свои косы!
Проснись же, проснись же, Рапунцель еси!
Спаси...

2010

Попокатепетль

Глухой восход над Попокатепетлем...
И слышен древний, обращённый внутрь,
утробный голос, разносимый ветром:
– Спи, девочка моя Истаксиутль!

Спи, Иста, спи...
Мир изменился? Вряд ли:
ничто не ново. И теперь, как встарь,
пернатого царя Кецалькоатля
не остывает жертвенный алтарь.

Спи, Иста, спи...
Беспечно и нелепо
живут стада, не ведая о том,
что их сердца, приправленные пеплом,
уже несут на блюде золотом.

Спи, Иста, спи...
до той поры, наверно,
пока не почернеют облака,
источники не высохнут, и жерло
твое не переполнится пока.

Но скоро, очень скоро, очень скоро
порвётся сна слабеющая нить,
и пламенем пылающее горло
откроется, чтоб время поглотить.

Спи, Иста, спи...

2010

Оправдание Иуды

...вместо Низы, отлепившись от толстого ствола маслины, на дорогу выпрыгнула мужская коренастая фигура, и что-то блеснуло у нее в руке и тотчас потухло. Иуда шарахнулся назад и слабо вскрикнул: – Ах! Второй человек преградил ему путь. Первый, что был впереди, спросил Иуду: – Сколько получил сейчас? Говори, если хочешь сохранить жизнь! Надежда вспыхнула в сердце Иуды. Он отчаянно вскричал: – Тридцать тетрадрахм! Тридцать тетрадрахм! Все, что получил, с собою. Вот деньги! Берите, но отдайте жизнь!

М. Булгаков

Я не за деньги... Деньги – это так...
Хотя, подозреваю, вскоре мифом,
легендой станут тридцать тетрадрахм.
Клянусь, я не хотел их! – всё Каифа...

Он говорил: взгляни на этот плод –
в нем нет, поверь, ни сладости, ни вкуса –
он не созрел. – Вот так и наш народ...
...не доросли еще до Иисуса.

Да, мы живем под цезарем, в цепях,
да, прокуратор управляет круто,
да, нас везде сопровождает страх...
...но ничего страшнее нет, чем смута.

Она начнется, если тот опять
захочет проповедовать. Усилий
ничьих не хватит, чтоб её унять.
О, сколько раз мы это проходили!

Поднимутся отбросы всех мастей
искать, как говорится, виноватых,
и сыновья оставят матерей,
отцы – детей, и брат пойдёт на брата.

...А я... Я просто не хотел резни...
я жить хотел, как этот голубь сизый,
что вьёт гнездо под камнем... и любви...
я не за деньги, не за деньги!
Ни-за...

2010

Фаэтон

Хочу написать о чём-нибудь маленьком,
совсем-совсем крошечном, например, о том,
как разбиваются о камень водяные капельки...

Но почему-то вспоминается Фаэтон.

Он правит огненной колесницею,
не умея, не ведая – где закат, где восход;
и кони несут, и мелькают спицы,
а он все торопит: вперед, вперед!

Куда ты гонишь? Зачем? – Не знает он...
И вот – на воды наваливаются пески,
земля обугливается от пламени,
и луна разламывается на куски.

Его – убивают. Что ж. Наверное, правильно.
И только Климена обгоревшим ртом
всё шепчет, бормочет: не надо... мой маленький,
мой мальчик, солнышко моё, Фаэтон...

2012

Иов

После того Иов жил сто сорок лет,
и видел сыновей своих и сыновей
сыновних до четвертого рода.
И умер Иов в старости, насыщенный днями

Иов, 42

– Емима, не тряси мою кровать!
Кассия, подоткни мне одеяло...
Чего смеётесь? Да, уже немало
лет деду вашему – пора и помирать.
Но ничего – с улыбкой я умру
и с благодарностью – Тому, кто всё устроил...

Чего смеётесь, говорю? – опять смешно им!

А впрочем, вспомнить только, как я тру,
как отскребаю язвы черепицей –

(ну, попадись ты мне, Цветок корицы!)*

и самому становится смешно...

Богат я. Велика господня милость –
вон, поглядите, сколько наплодилось
овец, верблюдов...

Многое дано

на старость мне. И в окруженье чад
недаром я живу на этом свете...

– Что? Дети? Те – погубленные – дети?
...Они ко мне приходят. По ночам.

2012

* Кассия – Цветок корицы

Пётр

Вот только что – их не было. И вдруг
они возникли – из-за поворота...
И некто, суетливый как паук,
кричал: «Да вот он! Поглядите – вот он!» –

указывая пальцем на меня...

А сзади подошёл какой-то в чёрном,
шепнул: «Спокойно, ладно? Всё фигня,
всё хорошо, всё славно», – и проворно
за локоть взял.

Сквозь пыльные клубы
проклёвывалось утреннее солнце.
Кричал петух.

– «Пойдём. Как ни люби –
а отречься все-таки придётся».

2012

НУ И ЛАДНЕНЬКО

* * *

1.

Мы, кажется, живем. В значенье «существуем».
В подъезды входим и в метро ползем,
Руками осязаем, носом чуюм,
Ногами трогаем асфальт и чернозем.

Мы, кажется, живем в коттеджах и квартирах,
И, пробираясь через жизненную мглу,
Мы прижимаемся душой пугливой к миру
И лбом к холодному оконному стеклу.

Мы, кажется, живем на грани суеверий,
С небес – то снег, то дождь, – и долго под дождем
Мы медленно идем к одной закрытой двери,
За коей ничего, быть может, не найдем.

Мы, кажется, живем меж «до» и «наконец-то»,
В одном сплошном «сейчас», как в лодке на плаву.
И с этой лодки никуда не деться...
Я кажется живу. Я, кажется, живу.

1993

2.

Играешь роль – не зная слов,
Садишься в сани – без дороги,
Без брода в воду лезть готов,
Не по одежке тянешь ноги.

Но как устанешь пыль глотать
И нахлебаешься водицы, –
То вдруг начнешь подозревать,
Что роль ни к черту не годится.

Стоишь, софит глаза слепит,
И думаешь: «А те ли сани?»
А поезд жизни мимо мчит,
Как в фильме Иоселиани.

И в нем, блаженно и светло,
Твои другие жизни, что ли,
Едва виднеясь сквозь стекло,
Летят играть другие роли.

И что твое, что не твое,
Какие роли упускаешь –
Со сцены этой не поймешь,
Не разберешься, не узнаешь.

И, только выйдя за края,
Наверное, спросить ты сможешь:
«Моя ли это жизнь, о Боже?»
И Боже скажет: «Да. Твоя».

1994

Физика и лирика

1.

Сегодня в тесном утреннем метро
я понял наконец, кто мы такие:
мы жидкость. Мы принимаем форму то-
го сосуда, в который нас налили.
Мы честно заполняем все нутро,
немного тесно – вот – локтем заехал
один другому в лоб – но это бро-
уновское движение молекул.
Я уверяю, больше ничего.
Не хочешь принимать форму сосуда –
тогда есть две возможности – на дно
в осадок выпасть иль свалить отсюда,
простите – испариться. А в пару
пускай и горячо, но хоть красиво.
Зато в осадке спится сладко. Ну –
что же. Выбор есть. Альтернатива.

2.

Ты живешь на границе меж выпадением из
чего бы то ни было: времени, леса, страны
и нахождением там, внутри.
Это и есть движение. Со стороны
легче увидеть себя, только вот заковыка:
гладкое место теперь, где ты только что был,
лишь пустота, не электрон, а дырка.
Но и по дырке, наверное, можно судить о себе,
по пространству вокруг,
колебанию воздуха в нем,–

словом, по «и», оставшемуся на трубе,
когда азы да буки разъехались в стороны. Но
мы-то знаем давно, что такое же точно движение
электронов в одном направлении,

дырок в другом
называется током, и ты создаешь напряжением
свой особый, интимный, неповторимый ток;
эта мысль утешительна и отвлекает, как
вдруг ушибленный в суматохе бок
отвлекает от боли зубной. Только, сделав шаг,
ощутишь как-то раз дуновение возле затылка;
и тогда ты не скажешь, как прежде:

дурак я, дурак,
потому что поймешь, что
ты – дырка,
ты – дырка,
ты – дырка.

1993

Возвращенье домой

1.

Побросав на солому
Скарб свой, снятый с гвоздя,
Уезжаем из дома
В бормотанье дождя.

Отправляемся – ночью,
И потом, день за днем,
Словно шарим на ощупь,
Да никак не найдем.

В городах и по селам,
У лачуг, у дворцов
Мы играем веселых
Бесноватых глупцов;

И скитаемся снова,
Ничего не найдя,
Лишь все дальше от дома
Уходя, уходя.

Исполняем – что скажут;
Коли платишь – изволь;
...Но однажды закажут
Настоящую роль.

В ней развязка – награда,
В ней не спрятать лица,
И слова ее надо
Дошептать до конца.

Все. Пусть занавес, Боже,
Упадет за спиной –
И начнется, быть может,
Возвращенье домой.

2. Почти баллада

Когда под морозом, как будто навек,
застынет твой город родной,
когда вдохновенный и призрачный снег
закружится над головой,
и, в оцепенении глядя наверх, –
на этот летящий покой,
уткнешься лицом своим в снег, словно в мех, –
тогда ты вернешься домой.

Когда ты почувствуешь под снегопад,
что сам себе словно чужой,
и вдруг ощутишь, что давно уж не рад
победам своим над судьбой,
когда, через время пройдя, как сквозь сад,
очнешься ты в точке такой,
откуда не видно дороги назад, –
тогда ты вернешься домой.

...Все это красиво... Но будет – не так...
А просто – больничный покой,
и затхлость, и запах, и грелка в ногах,
и лампочка над головой...
И все же – пускай еще будет сквозняк –
потянет смолой и травой, –
какой-нибудь знак, хоть какой-нибудь знак,
что ты возвратишься домой.

О Боже великий, когда Твоя рать
Бесшумно замрет за спиной,
Хоть знаком одним помоги мне понять,
Что я возвращаюсь домой.

Венок из трех сонетов

1. Благовещенье

Мы здесь, у истока, где бьется Начало,
Где странного гостя она повстречала,
И самая малость – лишь слово, и все –
Толчком отозвалось под сердцем ее.

И это же слово – как будто случайно –
Наполнило сердце предчувствием тайны,
Предчувствием света, предчувствием звука,
Предчувствием счастья... Предчувствием муки.

Так много тогда поместилось внутри,
И так бесконечно расширилось Слово,
Что ей показалось: столетья прошли,
И жизнь на земле начинается снова...

Того, кто вмещает всю землю сполна,
За это мгновенье – вместила она.

2. Сретенье

За это мгновенье вместила она
Того, кто однажды, как сын человеческий,
Был в Храм принесен. Симеон шел навстречу,
И гулкая в храме была тишина.

Старик посмотрел – и хмельная волна
Гортань обожгла и расправила плечи;
И чуткая в мире была тишина,
Когда он усилием справился с речью:

«Как долго. Как долго держал Ты меня...
Теперь отпускаешь... Увидел Его я...
И, Господи, я наконец-то спокоен
И в смерти свободен я с этого дня.

Последний маршрут не покажется сложным...
Спасибо, о Боже. Теперь уже можно».

3. Распятие

«Спасибо, о Боже. Теперь уже можно». –
Но эти слова нами поняты ложно,
И вот – мы свободно творим произвол,
Твердя, что свободу пожаловал Он.

На все мы ответы готовые знаем,
Но не фарисеи – а мы распинаем,
И та же жара, и страдания те,
И Он – на кресте, на кресте, на кресте –

Пока нас не манят ни свет и ни звук,
И сердце не знает ни счастья, ни мук,
Пока мы не видим свое естество,
Пока ненавидим – во имя Его.

Пока мы не чуем, что нужно так мало –
Вернуться к истоку, где бьется Начало.

1993

Ии-и-и...

Пусто в груди.
И ни еди-
-и-ного знака –
ум.
И впереди,
как ни гляди –
темень и ваку-
ум.

Лень ли, лета ли –
ни зги.
Жидкими стали
мозги.

Жижа. Вода.
Рыбьи стада,
двигаясь еле,
спят.
Лишь иногда
Тихо куда-
нибудь прошеле-
стят.

Плавают твари
в уме,
как в аквари-
уме.

Чуть наклони –
хлынут они,
хлынут из теме-
ни –
злые линии,
склизские дни
жизни и време-
ни.

Синдром Бродского

Никогда ухожу в никуда,
Где не слышно ни криков, ни стонов,
Лишь далеко стучат поезда
Жестяными сердцами вагонов.

Где пространство свернулось в клубок,
Где не выразишь – как одиноко,
Где, проснувшись, глядишь на восток,
Но ни Запада нет, ни Востока.

Где мгновенье стоит, как вода,
В дачный полдень, в ведре, в воскресенье;
Где «всегда» означает «всегда»
И всегда означает «мгновенье».

Где охотника ищет фазан,
Как бы не существуя при этом,
Ибо все, что доступно глазам –
Только белого, белого цвета.

Ни жары там, ни сырости нет;
Нет ни солнца, ни вьюг, ни дождей там;
Ртутный столбик застыл на нуле
И по Цельсию, и – Фаренгейту.

Там далекие мчат поезда
Никуда, никуда, никуда.
Одиноко стучат поезда:
Ни-ког-да, ни-ког-да, ни-ког-да...

1995

Простуда

Мир снаружи – люди, лужи,
Там, где ветер кроны кружит, –
Чем себя ты обнаружишь –
Ты реален или нет?
Я один и я простужен,
Мозг заложен и не нужен,
И становится все уже
Восприятия просвет.

Принимаю процедуры
И своей корявой шкурой
Ощущаю мщенье хмурых
И неласковых вещей.
В койку вдавлена фигура
Тяжестью температуры,
Я живу с температурой
Обволакивающей.

И темно, и как-то ватно,
И желанья – непонятны,
Светит лампа в 40 ватт, но
Просветленья не дает.
Как в бреду, ворчу невнятно:
«Мама, я хочу обратно!
Неприятно, неприятно»,–
Бормотанье, пробормот.

Полудохлые желанья,
Полувнятные страданья,
Вялой мышцы трепыханье,
Шевелящейся во мне,–
Это только бормотанье,

Пробормот и бормотанье,
Бред и проборматыванье,
Бормотанье в полусне.

И снаружи мир, похоже,
Уж не существует тоже –
Ни жильцов и ни прохожих –
Только бред и только сон;
Обступают чьи-то рожи
И жужжат одно и то же,
Все твердят одно и то же,
Все бормочут в унисон.

Лишь в мозгу свербит все чаще:
Ну, а я-то – настоящий? –
Сей вопросик наводящий
Сам себе задать боюсь...
И приходит вдруг образчик
Мысли светлой и бодрящей –
Вот: когда сыграю в ящик –
Обязательно проснусь.

1996

Тестирование. 1. Утвердительные ответы.

1. Иногда мне кажется, что я давно уже умер.
2. Иногда мне кажется, что лучше бы умереть.
3. Иногда в голове у меня бывает темно,
как в трюме.
4. Иногда на моих губах проступает медь.
5. Иногда мне хочется
всю жизнь просидеть в одиночке.
6. Иногда – побывать в Венеции и Катманду.
7. Иногда в исступлении я дохожу до точки.
8. Иногда равнодушно плаваю,
как дерьмо в пруду.
9. Иногда я хочу
очень громко пронзительно крикнуть.
10. Иногда – заделаться невидимкою и пропасть.
11. Я не помню, когда я в последний раз
собирался в цирк. Но
12. Словно фокусник, я всегда
широко раззеваю пасть.
13. Иногда мне охота играть
на гитаре или мандолине,
запихнув предварительно
в ушные отверстия вату.
14. Иногда я чувствую себя итальянцем
с фамилией Поцнальдини.
15. Иногда – японцем с фамилией Херовато.
16. Не люблю постепенно, предпочитаю сразу.
17. Подозреваю, что многие думают:
я ветреник и нахал.
18. Признаю, что меня постоянно распирают газы.
19. Отрицаю, что имел когда-либо черный кал.

20. Иногда слагаемые никак не сойдутся в сумме.

21. И глаза отказываются

выполнять команду «гляди».

22. Иногда мне кажется, что я давно уже умер.

23. Но всегда оказывается, что все еще впереди.

Тестирование. 2. Отрицательные ответы

1. Я никогда ни в чем не уверен. Даже

2. Я не уверен, что он вообще существует – мир.

3. Настоящее мне представляется вернисажем.

4. Прошлое для меня в основном состоит из дыр.

5. Мне никогда не хотелось

начинать свою жизнь сначала.

6. Мне никогда не хотелось

вообще ничего начинать.

7. По мне – лучшее действие –

это забраться под одеяло.

8. Мой самый любимый предмет –

несомненно, кровать.

9. Я никогда не получал удовольствия

от любовных романов

10. Видимо, втайне я детективные предпочитал.

11. Я не много чего получал, кроме деревянных.

12. Не хочу сказать, что много чего давал.

13. Я никогда не мог отказаться

от привычек вредных.

14. Никто обо мне не скажет: каков молодец.

15. Я никогда ничего не хочу доводить

до победных,

потому что хоть он и победный,

но все же конец.

Творчество

Нет, это не голос жизни –
скорее наоборот:
беззвучно подходит кто-то
и молча на сердце жмет.
Настойчиво так сжимает,
и вот – равнодушно-туп –
ты будто обложен ватой,
засыпан землей, как труп.
А тот, с твоими глазами,
там, наверху, едва-
едва шевеля губами,
слова бормочет, слова.
Так медленно-медленно – вечно! –
как открыванье ворот –
но это не голос жизни –
скорее наоборот.
А он все бормочет бесстрастно
и ныне, и присно, и впредь;
И не разобрать: то ли вечность
с тобой говорит, то ли смерть.

1997

Бессонница

Владимиру Полякову

Туда, где не надо
Всегда притворяться своим,
Туда, где награды
И слава Отечества – дым,
Туда, где едино –
Что месяц, что год, что века –
И невозмутимо
На север идут облака;

Туда, в неизвестность,
Где сумерки ночью и днём,
В ту странную местность,
В которую все мы идем,
В те дальние страны,
Где млечная плещет река
И так неустанно
На север идут облака;

Туда, в безвоздушность,
В безветренность, в сон, в забытье,
В безвидность, в бесслушность,
В бессмертие, в безбытие;
Где все без движенья,
Лишь вечно и издалека,
Как бред наважденья,
На север идут облака.

...А утром из дома
Ты выйди, присядь на крыльцо,
И ветру земному
Подставь удивленно лицо.
Скажи...нет, не нужно –
Пожалуй, помедли слегка:
«А ветер-то – южный:
На север идут облака».

1997

Между кем и кем?

От повторения кружится голова,
Слова гниют в последней из постелей.
Что больше здесь подходит: еле-еле
Или, быть может, так: едва-едва?

Да, почернели, высохли слова,
А говорят, и плакали, и пели;
Как правильной сказать на самом деле:
Чуть-чуть жива или чуть-чуть мертва?

Анабиоз. Пустыня. Не могу
Произносить. Да, собственно, и нечем.
Горацио, в дальнейшем – ни гу-гу.

Лишь баю-бай или буль-буль – во рту,
Еще ни-ни да т-с-сс. Да ш-шш... И вечер
Усиливает эту пустоту.

1997

Бормотуха

Бормотать, как бормочется
наобум, наугад,
путать с именем отчество
и с рассветом – закат;
печь топить среди улицы,
пить водицу с лица...
Смысл? Ну что ж, он проклянется
петухом из яйца.

...Шел петух вдохновенный
по дорожке прямой.
Он со службы военной
возвращался домой.

Бормотать, как бормочется,
аты-баты, кругом,
И свое одиночество
запивать молоком;
не бояться невежества,
в сентябре ждать весну...
Ну а смысл, он прорежется
зубом через десну.

...Всем, кто блял и мекал,
каждым криком – в строку
он кричал ку-ка-ре-ку
или ку-ка-ре-ку.

Бормотать, как бормочется
не стыдясь ничего...
Смысл данного творчества –
лишь в отсутствии его;

и купаться в колодце,
и потеть на ветру...
Смысл? Что смысл? Он прорвется.
Как нарыв поутру.

...Но однажды за балкою,
только начал он петь,
наступил ему на ухо
одичавший медведь.

Бормотать, как бормочется,
(ох, болит голова)
и выбрасывать в форточку
и бычки и слова;
и богатств своих множество
разменять по рублю...
Смысл, наверно, приложится,
как алкаш к бутылю.

...Всю гортань пережал ему,
и на скотном дворе
он хрипит свое жалкое,
скромное кукарè...

Бормотать, как бормочется,
тра-лю-лю, тру-ля-ля,
там-пу-рам-пум молочница
что-то там короля;
жрать напитки из горлышка,
в белый день жечь свечу...
– Бормочи, мое солнышко...
– Бормочу, бормочу...

Любовь

1.

– Я убрался на кухне. Ты рада?
– Щас заплачу от радости. Да –
к Мусе клещ прицепился. И надо б...
– Понял. Ладно. Тащи ё сюда.
Да за ноги держи, тьфу, за лапы!
Черт! Где пластырь? Здесь? Не нахожу –
Поищи сама. Книжку закапал...
Скоро ты?! – Я же кошку держу!
– Кукурузного масла побольше...
и пинцетиком... цетиком... Раз! –
Вот он, гад. – С головой? – Счас посмотрим...
Вроде бы с головой. – В унитаз
его быстренько. – Все? Указаний
больше нет? Писем можно не ждать?
И поскольку я все-таки ранен,
может, ты разогреешь пожрать?
– Если после помоешь посуду...
И т. д.

2007

2.

– Мам, а папа сказал слово «жопа»!
Я запомнил! – Умму... – Как он рад!
Мама спит. – Почему? – Так суббота
ведь сегодня... Отстань, дефека!
– Ах ты, папа! Ры-ры, за животик
укусить... – На те руку, кусай.
– Не... не вкусно... – Что, больно? Ну, то-то!
– Отпусти! – Сам сначала отстань!
Дефека, дефека, дефекастик,
Дефека, (подпевай), дефека,
Дефека, дефека, (это Моцарт)
(шепотком, мама спит), дефека...
– Так ее не разбудишь из пушек,
сам сказал... – Все равно так не вой.
Голова болит. – Я хочу кушать!
Дошираку! – Сначала умой
руки, зубы и прочие части.
– Дошираку, шираку, шира!...
– А вот это видал? Отправляйся
умываться. – Ураку, ура!
– Будешь есть, что дадут. Но вначале...
– Знаю я! Ну, хотя бы попить
можно мне? – Умывайся, ставь чайник,
и вообще, не кричи – мама спит.
И т. д.

2007

Жизнь после смерти

Кошки любят мышей. Но готовить их не умеют.

Нет, готовят, точнее, только не для себя.

Наши кошки (их две)

мышь берут аккуратнo за шею,
да, зубами, но ласково так,

и, вот именно, даже любя.

Мышь пищит. Отпускают –

бежит и пищит, будто душат;

снова ловят, опять отпускают – бежит и пищит;

отпускают, берут, отпускают... Послушай,

ну, куда ты, дурашка, бежишь?

До тех пор, пока бедная мышь

не останется молча лежать. Но потом, вопреки
всем законам земным

начинает опять трепыхаться –

это снизу и сверху в нее заползают жуки,

полосатые как матрацы.

Трупоеды. Для них это деликатес.

Все уже приготовлено. Усики ложками в супе...

Их не встретишь нигде –

даже если обшаришь весь лес –
исключительно, только на трупе.

Нету пищи – их нет. Никого. Гладь да тишь,

будто все им известно заранее...

Мне сегодня приснилось, что я – дохлая мышь.

Ощущенье, скажу, неприятное крайне.

2007

* * *

Каждый зверь
да получит по вере своей –
есть такая теория.
Надо сбегать к врачу –
может, что получу
вскоре и я.

Там, в закрайном краю,
нет нужды «что дают?»
спрашивать –
там для каждого свой
приготовлен настой
от кашля.

Для кого – пустота,
для кого – баня, та,
с паучихами;
для кого-то – покой,
для кого-то – огонь
пыхает.

Пахнет ладаном вот,
или, наоборот, –
серою.
Тут хула, там хвала...

Что-то делать пора
с верою.

2007

Братья

Родились мы утром рано
в день Козьмы и Дамиана
(это сказано для рифмы,
а на самом деле – днем).

Черт! Похоже на частушку
про Луиса Корвалана...
Ну и ладно, ну и бог с ним,
и для ясности замнем.

Так чего хотел соврать я?
Как известно, эти братья
отличались милосердьем
(редким качеством тогда) –
по домам и по базарам
безвозмездно (то есть даром)
врачевали и лечили, у кого была нужда.

И за редкое усердье, бескорыстье, милосердье
их причислили по смерти к категории святых...
И вот в их-то день рожденья
(нет, какое совпадение!)
родились и мы с братишкой...
(В день рожденья то есть их.)

А по русской древней были
братья – скоморохи были;
и учили, и смешили, и дурачились сполна...
Скоморохи, но святые – вот какие непростые,
непростые, скажем прямо,
были, братцы, времена.

Ночная идиллия с валокордином

Не спится что-то. Выйти покурить?
Попробую... Найти бы только тапки...
А, вот они. И на кошачьих лапках –
(на кошку, кстати, чтоб не наступить –
жена, боюсь, едва ль простит мне это) –
на кухню и, не зажигая света,
окно балкона в темноте открыть.
Хоть ночь, но шумно – строится метро –
огромный бур дырявит землю, точно...
(Пожалуй, здесь поставлю многоточье,
не то подумают, что я уж точно тро-
нулся иль на ночь ел мясное.)
А здесь метро, метро всего лишь строят,
метро-метро с названьем стройным Стро-
гино... Вот некто с рюкзаком
копается в помойке... Рядом – крыса.
Ну что ж, они достигнут компромисса,
верней, консенсуса. Хоть крыса ни о ком
не думает, а только об утробе,
но каждому – свое. Довольны будут обе...
(Иль оба – ведь, увы, я с ними незнаком.)
Идиллия... Луна. Она опять
лениво показалась из-за тучки;
ей наплевать на все земные штучки,
и на меня, конечно, наплевать.
Я есть иль нет – ей что? Ей все едино.

Пойду накапаю себе валокордина –
И спать...

2007

Пустой экран

Пустой экран скажи скажи чего ты ждешь чего
ты хочешь каких таких значков и точек молчишь
тогда хоть не держи не принуждай меня ко лжи
не жди и не гипнотизируй ты что какая к черту
лира все миражи да муляжи ты пасть удав
глаза-ножи я кролик нет я обезьяна ты ждешь
и поздно или рано туда где так ежи свежи о чем
тебе о смысле жи о зря напрасно тщетно втуне и
лихорадочно и слюни глотая путать падежи
Но все равно иду на ты забыв про знаки
препинанья

Стихи? – Они лишь оправданье.
Лишь заклинанье пустоты.

2007

Вторая любовь

...А потому что первая была
к игрушке елочной... Подробности опустим...
Кто хочет – тот домысливает. Пусть их.
Она разбилась – и любовь прошла.
...Мы танцевали... Молча. Каждый раз,
как были танцы в лагере, я быстро
к ней подходил и приглашал (кивком)
так, точно был я с нею незнаком, –
и мы плясали вальсы или твисты,
вернее, дергались. А музычка за нас
должно быть, все же что-то говорила...
...Как ее звали? Маша, Катя, Ира?
Наташа, может быть... Скорей всего...
Что интересно: больше ничего
и не было – мы не общались – дети –
не то чтобы на танцах – никогда...
Припомнится ж такая ерунда...
...Потом в автобусе я часть пайка сухого
ей передал (через приятеля). Вот, словом,
и все почти. На остановке, да...
она... сама... вручила мне букетик
цветочков полевых... В дороге он увял...
И было стыдно, что ли, перед нею,
что, получается, букетик-то я взял,
а он, подлец, все вянет так упрямо...
...От девочки? – тогда спросила мама.
Я покраснел...
Теперь уж не краснею.

2007

Иудейская пустыня

1.

Здесь нет ни менад, ни дриад, ни наяд, –
горячее слово – ПУСТЫНЯ –
над спящим пространством, как пристальный взгляд, –
висит – опускается – стынет.

Здесь нет искушений... Здесь камни стоят
сплоченно, и странно, и строго...

Здесь нет голосов – только слышит земля
глухое
дыхание
Бога...

2007

2.

Весной она цветет. Искусный ткач – апрель
Сплетает для неё покров из красных маков.
На этом ли ковре в борьбу вступил Иаков
С могучим ангелом, не виданным досель?

Я был там в октябре – под самый Судный День,
Когда земля молчит и ждет от неба знаков
О том, что есть закон, который одинаков
Для всех – нам вспомнят всё, что делаем теперь.

И Ты, кто здесь провел те сорок долгих дней,
Среди расплавленных сомнений и камней, –
Когда бы не вела десница Божья, –

Остался дольше бы, наверно... Ведь, прости –
Отсюда – бог ты мой! – не то, чтобы уйти –
Здесь и пошевелиться невозможно.

2007

Осень в Зазеркалье

Там лист не падает с дерев,
а возвращается обратно,
Там кошки, разом одурев,
и разевая львиный зев,
дают концерт невероятный.

Там пахнет хвоей и еще
каким-то... чем-то... позабытым...
Клубникой, яблоком, борщом...
... И память высохшим плющом
цепляется за столбик срытый.
Там мне тринадцать. Я – Кашей –
сплошной, хоть и ходячий, остов...
И в зеркало я через щель
смотрю и думаю: ужель
я никогда не стану взрослым?

2007

Прерванный разговор

Веду нормальный разговор,
и, как обычно, всякий вздор
несу про то, несу про се, и трали-вали...
И что-то слушаю в ответ,
неважно – важно или нет...
Как вдруг – прервали.

Нет, признаюсь: я виноват –
две эсэмэсочки подряд
я получил – мол, денег нет на счете вовсе...
Но на полслове... вашу мать!
Быть может, главное сказать
не удалось мне.

Эй, вы, провайдеры! – кричу –
Что за дела?! – Я заплачу
по всем счетам, ну вот ей-богу, прямо завтра!
Да, понимаю – дело швах,
но я же заплачу на днях!
Клянусь – я заплачу!
Я... за.. пла...

2007

Нерест

Я – рыба. Я лосось. Куда ни брошу взгляд –
такие же, как я, плывут – самоубийцы;
жир по горбам течет, и жабры жар струят –
нам только бы успеть, доплыть, отнереститься.

Вперед, вперед, вперед... не повернуть назад –
На свете нету сил сильнее силы тренья
о рыбу – рыбы – рыб... Вода кипит. Кишат
тела, тела, тела... все выше по теченью.

Ну вот – исполнен долг. Живое вещество
покинуло меня. И лишь одно тревожит:
смертельный мой маршрут – зачем он? Для чего?
Зачем моя икра прекрасная? Быть может,
чтоб лишь закуской стать на празднике Его?

2007

Предвыборный кошмар

Мне снится: я – зэк, я – в огромной тюрьме,
за стенкой беснуются наши...

Мне плохо. Мне страшно и муторно мне,
и место мое – у параши.

С экрана кричат паханы – дурачок,
не дрейфь, мы с тобой! Голосуй и
скажи то, что надо (а после – молчок,
и снова в парашу засунем).

Везде вертухаи, их пристален взгляд –
тупой и пронзительно-мертвый,
приникнув к кормушке, следят и следят,
все смотрят, все смотрят, все смотрят.

А сверху приказ поступает: зэка!
Вот этого – враз опустить! И –
уже навалились, насели, сопят...
Хриплю, задыхаясь... Спа-си-те...

Кричу!

Просыпаюсь. Кровать. Потолок.
Все взгляды и звуки
замерли.
Лишь Бог, не мигая,
глядит в глазок
моей
одиночной
камеры.

2007

Солипсическое

Я стою у окна. И курю. Все уснули.
На отшибе небес догорает луна.
Тихо дремлет, сопя, мегаполисный улей.
Я стою у окна. Я стою у окна.

Где-то там, далеко, первобытные льдины
наползают на берег, угрюмо ворча,
среди них королевские бродят пингвины,
и киты островами из моря торчат.

Только мне все равно. Я один. Почему-то
нет мне дела до этих затерянных льдин.
И часы на стене отмеряют минуты:
я один, я один, я один, я один.

Словно в тамбуре поезда – едешь и едешь,
и все куришь и куришь – одну за одной,
мимо – лица, дороги, собаки, соседи,
чьи-то жизни другие... Опять не со мной

все, что было, мелькнуло, пропело, пропало
в бесконечном «ничто», где стучат поезда,
чей глухой перестук повторяет устало:
никогда, никогда, никогда, никогда...

Я стою у окна. Я тушу сигарету.
Из-за тучи луна выползает опять.
Она явно больна, но не знает об этом.
Надо спать, надо спать, надо спать, надо спать.

Мне приснится – я кит. Я плыву в океане.
Предо мной расступаясь, мерцает вода,
неизвестность растёт, окружает и манит.
Я плыву и плыву... Но не знаю – куда.

2007

Странное

я медленно поворачиваю голову
я вижу человека
у него на носу очки
чуть ниже – борода
и она седа
почти
левое веко
слегка подергивается в такт
будильнику вот-так
он медленно поворачивает голову
и исчезает из поля
зрения
моего
тогда я медленно
поворачиваю голову и вскоре
вижу его
опять
он вспять
поворачивает голову и смотрит
как я поворачиваю голову чтобы увидеть
как он поворачивает голову
медленно

2007

Гончар

вращаю круг
и кисти рук
наполовину
ополоснув
тяну и мну
сырую глину

и взяв лопоть
живую плоть
леплю упорно
чтоб из комка
умна легка
возникла форма

И вот из-под
руки – идет
народец плотный
ковши горшки
фигурочки
людей животных

теперь обжечь
за этим – в печь
необходимо
там ждёт огонь
такой живой
такой красивый

и жар приняв
хлебнув огня

ползут из печки
ковши горшки
и чашечки
и человечки

теперь они
сухи тверды
вот только видишь
они увы
мертвы мертвы
не оживить уж

но все равно
зачем назло
кому не знаю
всю жизнь свою
кручу леплю
и обжигаю

2008

Ремонт

Квартиру поменял... Дом оказался старым,
(на близкое метро польстился, идиот)
вначале – ничего, а пригляделся – wow!
Ну что же делать тут? Ремонт, ремонт... ремонт.
Здесь жили долго – это понял сразу,
как только начал стены очищать:
содрал обойный слой – под ним, зараза –
еще один, ещё... слоёв, должно быть, пять
плюс пыль, и тараканов, и газеты
(такие старые, что буквы не видны)
я обнаружил там – устав, как черт, при этом –
покуда не добрался до стены.

Когда-нибудь вот так поступят и со мною:
возьмёт Творец, вздохнув:
все средства хороши –
и будет очищать послойно – слой за слоем –
пока не доберется до души.

2008

Но ты

При слове «любовь» моя рука
тянется к пистолету
которого нет
пока

Осточертела сия трескотня
гам полигамного бала
порядком достал
меня

и нет спасения от пустоты
сил заполнять пустоты
озвучивать ноты
... Но ты...

2008

После

1.

Я там, где нет.

Я – первобытный свет,
затерянный внизу
на самом дне, под толщей
глухой воды.

Вода...

Я – отдаленный звук,
плывущий в никуда,
ни от чего
не отражаясь больше.

Я там, где нет
ни смыслов, ни имён,
где время стынет
в слепоте колодца,
где все бело,
белым-белым-бело...
...не снег, не иней...
...ни луны, ни солнца...

Я там, где...

Нет.

До той поры, пока
есть хоть один, хоть кто-то, для кого
я
не мёртвый свет, не звук из далека;

пока моё название земное
не растворила, не взяла с собою,
не унесла кислотная река –
я – есть.
Я – здесь.

2.

Когда
забыв Его, последний человек
одним ударом, влёт, покончит с верой,
и воздух, побурев, запахнет серой,
и в тишине повалит чёрный снег;
когда луна покатится плашмя,
и солнце, засмеявшись, словно даун,
остынет в лёд,
откажется светить,
и время прекратится – вот тогда
Он
нет, не умрёт...
Но – перестанет Быть.

3.

«Боже, Боже мой, помилуй мя...»

2008

Циркуль

я сам его черчу...
и не уйти из круга
той части, что одна
и оставляет след
на белом ватмане,
от севера до юга
блуждая – и сходя
на нет, на нет, на нет

•

на нет, на нет, на нет
сойдя – но вновь блуждая,
от юга к северу
по грифельным листам,
той части, что давно
след рваный оставляет,
из круга не уйти –
его черчу я сам.

2008

Диалоги

Действующие лица:

Нож мясника

Точильный камень

1.

Нож мясника: Точи меня, точи!

Я должен острым быть, чтоб резать толщу
говяжьих туш, и жилы, и хрящи –
точи меня! Я должен, должен, должен...

Точильный камень: Я точу, точу...

но ты, дружок, не увлекайся очень –
предупредить (из жалости) хочу:
чем нож острей – тем жизнь его короче.

2.

Нож мясника: Трудна моя стезя!

И лезвие чудовищно устало...

Давай, точи... Как ненавижу я
изнеженное, трепетное сало!

Точильный камень: похудел, дружок!

Да... всем теперь приходится крутиться...

Я прожужжу на ушко: плюнь на долг –
не то недолго в шило превратиться.

3.

Нож мясника: Я увязаю в нём –
в проклятом сале этом, я тупею!
Точи меня ещё! Ещё, ещё!
Острее быть хочу! Ещё острее!

Точильный камень: Эти мне ножи!
Точи, точи их – всё им, дурням, мало...
Вот ты – вжик-вжик! – и жизнь почти прожил –
а для чего, скажи? – Чтоб резать сало?

Нож мясника: Да я жжж... (ломается)

Занавес

2008

Мёртвое море

Нет, не вода, а масляная взвесь
наполнила собой земные щели –
с тех пор – на протяжении поколений –
тут нет ни рыб, ни крабов, ни бактерий –
она одна и поселилась здесь.

Живительная мертвая волна,
целебная, как поцелуй принцессы, –
снимает боли, пеленает стрессы,
артриты, и артрозы, и абсцессы,
радикулиты и расстройства сна.

Здесь русский, немец, эллин, иудей
качаются на глади плосколобой –
огромной материнскою утробой,
не знающей ни зависти, ни злобы,
обволокла пустыня их... Над ней

смешалось всё: страдание и смех,
напитки, карты, процедуры, крики,
мороженое, солнечные блики...
Лишь солнце сверху – судия великий –
безжалостно поджаривает всех.

Но вот – темнеет. Ночь. Невозмутим,
надменный лунный серп читает Тору,
за морем спят, отсвечивая, горы,
да одинокий ветер по-над ним
проносит пыль Содома и Гоморры.

В тихом омуте. Бред

...И я нырнул...
чертей или акул
там не было.
я не заметил даже
ни островов, ни странников, ни стражи...
и я заснул.
мне снился караул,
стоящий на часах
больших, песочных,
песок стекал...
я просыпался ночью
и вновь тонул...
какой-то смутный гул
томился, пел, бодался неумело
меня несло ко дну.
и чье-то тело
толкалось, словно лист,
и сев на стул,
стремилось вниз
со смехом идиота...
а там, на дне,
полупустая нота
заблудшая, осипшая от слёз,
все силилась сказать,
промолвить что-то
но что? не слышно.
и густой мороз
все полз и полз,
как валенок в ознобе,
свалявшийся в потерянном сугробе,
среди развалин, замков и мимоз.
Я утонул...

2008

Другая реальность

Здесь всё, как там, и так же моросит.
И так же вязко, склизко, мутно, сыро.
И соловей на веточке осины
чирикает чего-то, паразит.

Чирик! Потом опять: чирик! Чирик!
Кукушкой возомнил себя, зараза...
Прокукарекай мне ещё полпраза,
чтоб сразу я чего-нибудь постиг...

Вопрос дурацкий – быть или не быть.
Без разницы – везде одно и то же...
И там, и здесь – одни и те же рожи,
а сути нет ни грамма – только сыть.

Ну, что ты замолчал? Уже пора?
Я подобрался слишком близко к краю?
Да брось, дурашка, это же игра –
Я всё играю, братцы, всё играю...

2008

Мы

Нет, не ставим мы уже вопросов,
ибо знаем правильный ответ,
и давно не курим папиросы,
предпочтя жеманность сигарет.

Под защитою со всех сторон мы,
и идём в костюмах, как в броне,
от дождя – всегда в запасе зонтик,
от неправды – кукиш в рукаве.

Всё прошло. Всё правильно. И разве
скажет кто, что виноваты мы?
только иногда тревожит язва –
след от незалеченной чумы.

2008

Подозрение

Подозреваю, что однажды я умру.
Такая вот простая геометрия...
Когда-нибудь, ну скажем, поутру,
Проснусь, протру глаза – ан нет меня.

Но и сейчас, как в зеркало взгляну –
не по себе становится отчетливо...
И хочется спросить: кто это? Ну?
Кто, чёрт возьми? И чёрт возьмет его,

подозреваю... И в погожий день
брожу по улицам, как сивый мерин я
и вроде бы отбрасываю тень –
но как-то неумело... неуверенно...

И всё токую дятлом: так ли? так ль?
Не так! не так! не так! – в груди синицею...
Не за горами, видимо, спектакль
пока же это только репетиция.

2008

Страх

Всё начинается со звука:
осиною сплошного си-и-и,
растущего стрелой бамбука...
всё ближе, ближе... Не проси
спасения – протяжной гласной
проскальзывая, в мозжечок
свист проникает – и в заглазье
свивается в тугий клубок,
пульсирующий.
И, стеклянный,
клубится рой осипших ос,
вибрируя, звенят стаканы,
захлёбывается насос,
и бьётся, бьётся, бьётся рыба,
на леску вздёргнута со дна...
...И вдруг огромной мягкой глыбой
наваливается тишина,
как будто разом, смазав маслом,
из мира выдернули кол...
Тогда неотвратимо ясно
ты понимаешь: Он пришёл.

Не оборачивайся

2008

Гость

Он приходит под утро
странный маленький гость
непричесанный хмурый
и промокший насквозь
приближается тихо
и садится на стол
и снимает ботинки
не снимая пальто
льётся облаком бледным
из кармана вода
исчезая бесследно
непонятно куда
на щеках его пятна
возбуждённо-сердит
он всё время невнятно
говорит говорит
и хохочет как кочет
воздух крыльями бьёт
леопардом бормочет
кобылицей поёт
а потом постепенно
замолкает и вот
ускользает сквозь стену
не снимая пальто
не снимая пальто
не снимая пальто

2008

Всегда

- Значение слова «всегда» понимаешь ли?
- Боюсь понять! Если я пойму, я сейчас же умру!
М.Булгаков. «Кабала святош»

Боюсь понимать. Напевает опять и опять
сверчок свою песню
с небесной какой-то завалинки:
Мол, рано, сыночек, не бойся, жива еще мать,
и ты еще маленький, маленький...

Я верю ему – потому, что так легче. Сквозь тьму
зажмурившись, двигаюсь
в чёрте-каком направлении.
А где-то качается маятник – по одному,
как семечки, щелкая годы, минуты, мгновения...

Да что за беда? Утекает сквозь пальцы вода,
а я всё цепляюсь за тонкий, спасающий краешек
неверного льда...
хорошо бы так было всегда...

Значение слова «всегда» понимаешь ли?

2008

Из детства

это
не объяснить
как бы пчелиный рой
жужжит
там далеко
за краем где-то
но приближается
и вот уже юлой
закрученной огромной одноногой
завинчивается как пропеллер в пол
и в комнате
наполнен воздух строго
присутствием
присутствием
как слон
как дирижабль
вспухает одеяло
тяжелое
налитое свинцом
свинцом отцом лицом
и звук упрямый
жужу бубу шушу
шушу'шу
мама
не уходи
побудь ещё
прошу

2008

Бабочка

Я лечу. Я порхаю. Навстречу мечте...
Где она? Извините – не знаю,
потому что летаю, увы, в темноте.
Я – ночная, ночная, ночная.

Но я вижу, я вижу мерцающий свет,
вот оно – вожденное чудо!
Быстро, быстро к нему! Прикасаюсь... но нет –
злой огонь вылетает оттуда.

Эх, наверное, надо мечтать не о том,
не о свечке в замызганном блюде –
а о свете далеком, неясном, другом –
до которого не дотянуться...

2009

Странный доктор

Нет, я не готов
я пока не готов
выслеживать черных прозрачных котов
в их черных убежищах, зная,
что нету их там
их давно уже нет,
там только скелет
прошлой жизни скелет,
и комната эта – пустая.

Нет, я не хочу
ничего не хочу
наверно, пора обратиться к врачу
нехай он пропишет пилюли
от визга, от крика
и от пустоты
лекарство мечты
под названьем кирдык
и приволочёт его в клюве.

Крылатый такой,
он пропишет покой
рецепт нацарапав передней ногой
и речь его будет простая:
пускай говорят
что за окнами март –
пора уже в путь. Зажигание, старт!
Готов ты? Пожалуй, взлетаем!

2009

**Из жизни окурков.
Нравоучительная баллада**

Хочу сообщить вам...
Да так, ерунду:
мы все очень любим
курить на ходу.
Проходим по улицам
и переулкам
езде за собой
оставляя окурки,
короткие, длинные...
Бросим их в снег –
и дальше по жизни
свершаем свой бег.

Они же – забавные
эти ребятки –
играть затевают
в снежинные прятки,
и думают – ладно,
задача простая,
пока полежим здесь,
пока поиграем,
чего там грустить,
веселее гляди,
у нас же, ребята,
вся жизнь впереди.

Но вот снег растаял,
и наши окурки –
уже не окурки,

а мокрые шкурки,
их моют дожди,
заливает бензин,
их топчут хозяйки,
идя в магазин,
и каждая псина,
конечность задрал,
лишает последних
и всяческих прав.

И я записал
в подоспевшей тетрадке:
мы тоже всю жизнь
забавляемся в прятки,
подобно окуркам,
лежим на диване,
и держим опухшую
фигу в кармане,
всё ждём, что вот-вот –
и растают снега...

Они-то растают,
А нас – ни фига.

2009

Бур

Не лазай на рожон.
Не подходи. Не тронь.
И не ори, дружок,
что тот библейский петел.
Не балуйся с огнем,
не зажигай огонь...
Ах, все-таки зажег?

– И бур уже заметил...

Что, боязно, поди,
когда, щербатым ртом
кривясь, он на тебя
глядит сквозь щель прицела?
...Ты шепчешь, как во сне:
потом, потом, потом...
И все стоишь один
без замысла и дела.

Пора, мой друг, пора,
неси свою свечу,
смотри – прищурен глаз
его, и время тает.
Представь себе на миг,
что это – лишь игра,
еще чуть-чуть, чуть-чуть...

– Но бур уже стреляет.

2009

Город туманов

Этот город, как зверь, притаился в низине
задремал в предвкушенье прыжка
и туманом густым поднимается синий
влажный пар от его языка

и настолько плотны испарения эти
так недвижима водная пыль
что живущие в городе том – даже дети –
навсегда, безнадёжно слепы

вот – выходят слепцы из-под каменных арок
ориентируясь только на звук
и несётся по улицам и тротуарам
их тростей металлический стук

Вероятно, всё это фантазия просто...

Почему ж по ночам, без конца
мне мерещится стук металлической трости,
торжествующей трости слепца?

2010

Подвал

Алёне Мироновой

Разбитое стекло. Кусок фанеры.
Пустая банка рядышком с ведром.
Безногий табурет, от пыли серый.
Помёт. Канализация. Кондом.

но горло перехватывает жаром
колотит дрожь и бьёт озноб пока
ты бродишь по заброшенным подвалам
по тёмным лабиринтам языка

2010

Три к носу

Коленку ль покарябал,
в глаза затёк ли пот –
мне говорила мама:
Три к носу – всё пройдёт.

С тех пор, зимой ли, летом,
когда совсем прижмёт,
я вспоминаю это:
Три к носу – все пройдёт!

Прострелены артритом
колени, и к утру
глаза почти не видят –
а я всё тру и тру.

На вечные вопросы
пытаюсь дать ответ,
всё тру и тру я к носу...

Но не проходит. Нет.

2010

Данте (с)

Земную жизнь пройдя до середины,
я очутился в сумрачном лесу.
Здесь призрачное небо на весу
поддерживают бережно вершины
мохнатых елей. Чёрная вода
да ледяное озеро за мною,
и кажется, что вот – глаза закрою –
всё пропадёт, исчезнет навсегда.
И страшное немое существо
мычит, скулит и просится отсюда...
Я ухожу. Прости меня, Иуда,
что я тебя оставил одного.
Простите, твари, все, кто вечно нем –
я должен жить, чтоб вы заговорили.
Пора идти. Веди меня, Вергилий,
по всем кругам, сквозь темноту и тлен.
Пора идти...

Что это было? Бред?
Клубятся дыма сизые колечки...
А я стою.
Стою у Чёрной речки,
победно опуская пистолет.

2010

Ну и ладненько

Ну и ладненько...
не были, были?
дом сгорел, сын забыл, дуб засох
ничего, брат, не стоит усилий –
всё равно всё уходит в песок

Ну и славненько...
туки да туки
богу – бо, карасю – карасё
поезд мчит по инерции скуки
цель – ничто, а движение – всё

Ну и чудненько...
глянь за окошко:
мельтешение, бег, круговерть...
остановимся хоть на немножко –
вот и счастье. А может быть, смерть.

Ну и ладненько...

2010

Шишел-мышел

Чего-то, братцы, не хватает сил,
куда ни повернусь – везде засада...
Я не устал, но, видимо, вступил
в период своего полураспада.

Нет, нет – не жалуясь. Нормально. Всё путём.
Живу я хорошо.
Но могу плохо,
и тело совершенное моё –
дворец греха,местилище порока
и всякого излишества вигвам –
становится лишь оболочкой праха
и тихо расплзается по швам,
как старая истлевшая рубаха.

...Когда придут и аллес, и капут,
я, словно невесомый шишел-мышел,
освободившись от телесных пут,
вспорхну и полечу.
Всё выше...
выше...
...и Шмуцкого увижу между тут.

2010

О жуках

Колорадский жук снял свою пижаму
и уполз в Колорадо в поисках жанра.

Юрий Арабов

Под дождями, под ветром и градом,
рассужденьям пустым вопреки,
улетают жуки в Колорадо,
навсегда улетают жуки.

Улетают жуки в Колорадо,
собираются молча, без слов,
и горят их сердца, как лампы,
сквозь хитиновый жёсткий покров.

Приземлившись в отчизне любимой,
скинут русской неволи печать
и отправятся, солнцем палимы,
в колорадских полях умирать.

Полосатые снимут пижамы,
аккуратно надкрылья сложив,
и зарюются в землю упрямо –
всё, ребята – закончилась жизнь.

Но не помнить о них не могу я:
меж картофельных синих глазков
проступают, как след поцелуя,
просветленные лица жуков.

2010

Побег

никуда не сбежишь
всюду вышек огни
и сирены старательный вой
ничего полежи
полежи отдохни
да приснится тебе покой

засыпай засыпай
не гляди не дыши
улетай уплывай туда
где бесшумно и тай-
но подвалы души
заполняет большая вода

и подняться уже
не с руки не с руки
бо нет плоти в твоей руке
нет ни глаз ни ушей
только слов червяки
копошатся на языке

2010

Ненавязчивый сервис

Вот мурашки по спине
смертные крадутся,
А всего делов-то мне
было, что проснуться...

В.Высоцкий

Они приходят вечером
(ну, перед самым сном)
копаются под темечком
и носятся гуртом
гуляют тараканами
по телу там и тут
и нюхают, и странные
вопросы задают.
Смеются и качаются
сердцебиенью в такт
– «Вы что предпочитаете:
инсульт или инфаркт?»

Вы знаете (смущаюсь) – я еще не
решил. Мне решить не хватает сил. Но
коли так, тогда уж инфаркт...

И слушаю ответ я, хотя уже сквозь сон:
– «Желание клиента для нас закон!
Но, извините, – очередь...
Придется подождать.
А если дату точную
желаете узнать,
тогда числа двадцатого

звоните « ноль-ноль-ноль» –
получите и дату вы,
и время, и пароль.

И вскоре вас посетит фантомас. Ваш
звонок очень важен для нас»

ту-ту-ту

И вот теперь я мучаюсь –
ну как мне быть?
Мож, по такому случаю
и вправду позвонить?

2011

По ночам

А по ночам он смотрит в потолок
на паутинки и узоры трещин
и видит силуэты бывших женщин
(с ним бывших) и других, с какими мог,

но не случилось. Капает вода
из крана, дождь торопится по крышам
машин и гаражей, но он не слышит,
давно не слышит, кажется, всегда.

И медленно ползёт издалека
какая-то невнятная тревога
и плещется у самого порога
угрюмая бетонная река.

И вот уже тяжелою волной
она идёт наверх и тени катит
перед собой... касается кровати...
пока не накрывает с головой.

2011

Тракторист

На небе – земляные облака:
колдобины, бороздки, комья глины... –
как будто их в сердцах перепахал
неведомый Микула Селянинов.

А там, внизу, где дёргают грачи
червей из пашни – не живой, не мёртвой –
сидит он на орале и молчит.
И бутерброд жуёт, и в небо смотрит.

Сидит один, сутулится слегка,
всё думает: а если бы, а мне бы...
...и отражается в его зрачках
огромное бульдозерное небо.

2011

По мотивам Шварца

Нет дон кихотов. Век практичен наш.
Уже давно идёт другая пьеса.
И не было – все это только блажь
Сервантеса. А может, Сервантеса.

Мы – просто люди. Жмёмся по домам,
кукуем от зарплаты до зарплаты.
Начальник – бог, а Бог – начальник нам
пожизненно. И мы – не виноваты.

Мы – платье, а невидим – сам король.
Костюмы, шубы, свитеры, халаты...–
висим в шкафу. И правит нами моль,
а не дракон. Но мы – не виноваты.

... А в преисподней, сей же день и час
среди насильников и прочей гнили
несется крик: нас просто так учили!
мы не виновны – так учили нас!

2011

Рыбка-бананка

Да, она обожает бананы. Едва завидев банан,
она с разбегу на него бросается
хотя, наверное, рыбы не разбегаются...
они расплываются...

Ну, так вот, – говорю я Вам:
она с расплыву подлетает и...
нет, опять не пойдёт – ведь рыбы летать не умеют...
короче, она стремительно его хватает

(сказал бы – за шею,

но у бананов нет шеи)

своими острыми и мягкими губами
и начинает от плоти его отрывать – по кусочку,
по чуть-чуть, маленькими, маленькими кусочками
и никак, понимаете,

никак не может поставить точку –
очень уж любит бананы...

Но иногда ей удастся оторвать от мякоти
большой кусочек – и тогда с трудом
она относит его под камень. Под камнем – дом:
там у нее большая раковина

с жемчужным трельяжем,
там живут несколько дафний и крабов, и даже
большие, бордово-зеркальные жуки-носороги,
мёртвые, правда...

Почему Вы все время смотрите на мои ноги?

2011

Cyprus coffee

я сижу за круглым столиком
и пью кофе
из маленькой чашечки
маленькими глоточками
и так ласково трогаю их губами, точно
они мои детки:
глоточек – сыночек
глоточек – дочка
а потом
заливаю холодной водой –
пусть закаляются

а с картин на стенах
ко мне сходят ушастые ослики
обступают и требуют:
дайте нам хлеба!
я протягиваю им хлеб,
пропитанный оливковым маслом и чесноком*
и они снимают его с моей ладони
теплыми мягкими губами

вечер. тихо. старики играют в нарды
на другой стороне улицы,
потягивая разбавленное вино
а я все сижу за круглым столиком
и думаю
как, черт возьми, это все-таки правильно:
пить кофе маленькими глоточками,
запивая холодной водой

2011

*garlic (англ) – чеснок

Сны

1.

Глаза закрыты. Сон. Мне снится сон.

Дурацкий сон, в котором вижу кошку
обыкновенную, простую кошку,
что спит и мелко дергает хвостом.

Она сопит. Ей снится пылесос
и я, держащий штангу пылесоса...

Под веками глаза блуждают косо,
едва заметно вздрагивает нос,
трепещут уши.

Это неспроста –
труба кошачью втягивает душу
вовнутрь, в мешок,
где ждёт утробный Ужас,
похожий на огромного кота.

И кошка просыпается во сне.
Она кричит пронзительно – и будит
меня.

Я говорю: «Ну будет, будет...
чего ты, киса? Не пугайся. Нет
там ничего – одна сухая пыль,
ну, видишь? – никого. Давай-ка баи».

Потом ложусь и снова засыпаю

...там пусто, пусто, пусто. только пыль...

...да, только пыль, и больше ни черта...

а кошка на груди руладит тонко

Я сплю. Мне снится, что меня воронкой
засасывает злая пустота.

2011

2.

Я мало сплю, зато мне много снится –

навязчивое, странное: больница
и коек бесконечные ряды
там, на подушках – лица, лица, лица
прозрачные, как будто из воды
их выткали. И оплывают, что ли,
едва дотронешься

Мне снится: вновь я в школе –
такой, как есть – с седую бородой
(точней – «с посеребрённой, как при жизни»)
среди детей сижу за партой, изне-
могая от стыда, и надо мной
смеются

...Двор за каменным забором
(я – там, внутри)
и старый дом, в котором
нет двери – не войти;

и переход
подземный, где всегда метель метёт,
но почему-то знаю – очень скоро
я буду по нему бежать, крича

Еще мне снится, будто я свеча,
горю – и оплываю вниз, на блюде

Еще мне снится, что хочу проснуться –
и не могу.

2012

* * *

Исчислено, отмерено и взве...
хоть волком вой, хоть стой на голове –
там всё известно с самого начала.

Зачем, к примеру, появился я? –
Наверное, какого-то сырья
(а может, компонента) не хватало.

И вот – я рос, учился и мужал
и укреплялся мой материал,
пройдя огонь, ну, и частично – трубы.

Еще немного – и пора придёт
мне отправляться на переработ...

С пометкою «естественная убыль»
меня направят, видимо, туда,
где мельницы тяжёлая вода
перекрывает остальные звуки,

в тот дивный край, где все наперечёт,
и где предвечный Пуговичник ждёт,
нетерпеливо потирая руки.

2012

Другая жизнь

1.

Погляди – за окошком зима. И над голыми кронами,
над балконами башен, подставивших ветру бока –
растекается воздух – тягучий и полный воронами –
черно-серыми пифиями, фанатками Спартака.

Завтра грянет весна! – так кричат они. –

Снова зелеными
станут ветки, деревья; пробьётся, окрепнет трава,
и тогда, и тогда – мы закружимся над стадионами!
Завтра грянет весна! Завтра грянет весна! –
но сперва –

(так пророчат они –

распростёрты, крикливы, юродивы –
им известно скрипенье веков и биенье минут) –
– но сперва, но сперва – все помрёте,
помрёте, помрёте вы,
и все матери ваши помрут, помрут, помрут!

Обними меня.

Заверни меня в кокон. Зачем всё так кружится...
Воздух полон воронами – так, что не видно ни зги...
Пожалуйста,
помоги мне укрыться от этого ужаса
Пожалуйста,
помоги.

2.

А Он все смотрит...

Что Ты смотришь, Боже?

Ну, хорошо, Ты создал этот мир,
и сделал нас свободными...

так что же?

уж лучше б руки, право, Ты умыл,
да лёг поспать...

Чего Ты смотришь?! Этот

бардак, он что – действительно театр?

И наша очумелая планета –

хрустальное яйцо, волшебный шар,
где все мы на подмостках?

Да, мой Боже?

Снежок идёт, мы мечемся внутри...

Разбей иль помоги. Ну что, не можешь? –

Так не смотри.

Ей-богу, не смотри.

3.

жизнь потихоньку отваливается
омертвевшей корою с дерева
как говорил башмачкин,
что-то... оно... того...
смотришь – и вдруг оказывается –
ещё кусочек потерян
вместо него – пространство,
в котором нет ничего

это почти безболезненно
как под наркозом, что ли
но ощущаешь полости
вместо зубов во рту
и по пролётам лестничным
фантомные бродят боли
когда твой собственный голос
проваливается в пустоту

я вот сейчас сублимируюсь
пишу эту хрень зачем-то
хотя голова как валенок -
серо, тепло, темно
и получается выдавить
нечто совсем никчемное:
что-то... оно... неправильно
как-то... оно... того...

4.

...или позвонить по телефону и сказать Тому,
Кто на другом конце провода:

– Извини, что беспокою
по такому ничтожному поводу,
но вот Ты, что всеблаг и всемогущ, скажи:
моя жизнь... вот эта самая моя жизнь –
что, мне, уроду,
что, что, что, что мне делать с ней?
Да? Да, понимаю. Свобода.

Свобода. Нет ничего страшней.

5.

а ты все время шаришь в пустоте

...и дом не тот, и жители не те
а те, что были, сгнули куда-то

и бродишь ты по лестницам пустым
где только сизый сигаретный дым
остался... от кого?

обиты ватой
пороги, стены, двери...

но порой
мелькнёт в проёме кто-то дорогой,
до странности, до ужаса похожий –

и силишься позвать

но нем твой крик,
тяжёл неповоротливый язык –

и ты не можешь, ничего не можешь –

и... просыпаешься

и плачешь, и дрожишь

и приближается совсем другая жизнь
она стоит за вешалкой, в прихожей

глядишь в окно – а там гуляет дождь
идёт, идёт – и ты под ним идёшь

и ни окликнуть, ни позвать...

не можешь

2012

Вьюнок

весь

весь

весь

ВВЫСЬ

ВВЫСЬ

ВВЫСЬ

ВЬЮСЬ

ВЬЮСЬ

ВЬЮСЬ

тяжело мне

2012

Банальный этюд

Уходит день очередной,
чтоб стать вчерашним.

Ну, хорошо. Пришёл-ушёл –
чего тут страшного?

Пускай. Молчи или кричи –
но делать нечего.

День, уходя, кладёт ключи
под коврик вечера.

2012

Крысы

Мы боялись их до смерти. До тошноты.
Эти острые морды, босые хвосты...

и когда заползала во мраке
тварь голодная нагло кому-то из нас
на живот или грудь, да хотя б на матрас –
что за крик раздавался в бараке!

Мы же люди, начальник! Уж лучше убей,
лишь избавь, твою мать, от своих упырей!

Но зима просвистела одна лишь –

и теперь они ночью и днём – тут и там,
все шныряют, все бегают по головам –

нам плевать.

Ко всему привыкаешь.

2012

Глобальное потепление

Однажды кто-то выдохнет – и разом
превысит в атмосфере норму газа –
(ну, станет слишком много CO_2) –
тогда с зимовок разлетятся стаи,
уйдут снега, и ледники растают –
всё, всё поглотит жадная вода –
ей наплевать на силы наших армий...

И коли прав был старикашка Дарвин,
то эволюция раскрутится назад:
тела изменят все свои изгибы,
и жабры прорастут.
Мы станем – рыбы.
И поплывём.
И выпучим глаза.

2012

Трава-вода

Трава-вода вода-трава и снова
дождь скачет миллионом круглых тел
и жалкое потерянное слово
скитается и плачет в темноте
в кротовые заглядывает норы
в мышинные лазы и там в ночи
дурацкие заводит разговоры
об истине не надо помолчи
но ливень ливень пальцами косыми
отстукивает такт раз-два раз-два
но женщина но это имя имя
трава-вода трава-вода трава

2012

Из дневника

7 декабря.

Смотрю в окно

с восьмого* этажа, ещё надеясь
увидеть (чёрт, на пальце – заусенец)
хоть что-то... Но всё то же Строгино,
что и вчера, шумит передо мною:
и кто-то едет там, и что-то строят,
снуют фигурки черные, в метро
ныряют...

Ай!

...Сейчас поднёс ко рту
конечность – чтоб отгрызть (да нет, не руку,
а заусенец) – и заметил вдруг я,
что наблюдаю улицу не ту...

Она скукожилась... И будто сеть морщин
иль паутина над землёй повисла...
Стираются черты, линяют смыслы,
и вот уже ни зданий, ни машин
не существует – вместо них внизу
лежит деревня, не подвластна датам:
там шествует Макар вослед телятам,
и Сидоров сечёт свою козу.

2012

* здесь автор погрешил против истины. На самом деле он живёт на пятом этаже.

Конаковский паром

Здесь, в сосновом бору, лишь лисички росли,
а на том берегу, за болотом, –
обалденные белые шли из земли,
словно белогвардейские роты.

Нас в атаку на них конаковский паром
вёз от пристани Рыбозавода,
и десант грибников размещался на нём
каждый день и в любую погоду.

Лишь в густые туманы паром не ходил,
но однажды (знать, денежки или
срочный груз у кого-то из местных водил) –
и паромщика уговорили...

Значит – раннее утро. Не видно ни зги...
Анекдоты, истории, шутки
как-то быстро сошли – к середине реки
стало по-настоящему жутко:

не сдавался туман, он стоял, как стена,
тут гляди не гляди – не продавишь,
не видать ни хрена, и вокруг пелена,
и одна пелена перед нами.

Впрочем, благополучно паром наш приплыл
и на мель враскоряку не сел он –
но зато я узнал, почему искони
этот свет называется белым.

И сегодня в мозгу то ли явь, то ли сон
застревает подобно занозе:
что в тумане сплошном конаковский паром
через Волгу меня перевозит.

2013

Тень кота

В том подъезде, как в поместье
Проживает черный кот

Б.Окуджава

Лампочка в подъезде светит
Ватт, наверное, до ста.
И теперь в подъезде этом
Проживает тень кота.

Жёлтый глаз уже не нужен,
Нет зубов и нет когтей.
Почему же, почему же
Лебезим мы перед ней?

Отчего же эту рожу
Так боимся? Неспроста –
Ах, похоже, помним всё же,
Помним чёрного кота.

И пускай болтают клуши –
Дескать, вид совсем не тот;
Скоро лампочку потушат –
Мясо снова нарастёт.

2013

Аутотренинг

Бывает, настроенье злое
с утра: не то, не так, не там...
башка трещит, и сердце ноет,
ну, в общем, всё идёт к чертям.

Идти к психологу – нет денег,
напиться – так здоровья нет...
вот, говорят, аутотренинг
несёт душе покой и свет.

И никаких усилий даже
представить... ну, к примеру, как
под солнцем ты лежишь на пляже,
орлом летаешь в облаках...

Но я придумал метод лучше:
воображаю – я смола
и очень медленно, тягучей
волной стекаю со ствола.

И пробираюсь вниз упорно
через колдобины коры,
через траву, и дёрн, и корни
в густые нижние миры.

Сквозь них себе дорогу торя,
всё дальше вглубь, всё глубже – вдаль,
когда-нибудь пробьюсь я к морю –
туда, где ждёт меня янтарь.

2013

Копатель

Здесь, под камнями, странные жуки,
и муравьи, и плоские мокрицы...
Но ты попробуй дальше углубиться
железным продолжением руки –
и погружаясь вниз, все время вниз,
почувствуешь – в угрюмой глине тоже
заключена неведомая жизнь,
та, что наружу выбраться не может.
Копай все глубже... Ты теперь один
внутри земли – и обнаружишь вскоре:
под плотным слоем черных юрских глин
колышется невидимое море;
в нём копятся не мрамор, не слюда,
не артефакты чуждой нам эпохи –
с поверхности стекаются сюда
все наши ахи, выдохи и вздохи.
Когда невмоготу им станет там,
когда число пополнится на треть их –
из-под земли извергнется фонтан –
фонтан освобождённых междометий;
пойдёт наверх весёлая вода,
тяжелая вода – и вот тогда ты
узришь итоги своего труда,
устало опираясь на лопату.

2013

О стихах

Там, наверху – мудры, печальны, пылки –
они уже написаны, напи...

Но хоть один попробуй подцепи –

как скользкий гриб от неуклюжей вилки
он бегаёт, всё время норовя
упрыгнуть на пол, на штаны, на скатерть,
как будто дразнит, негодяй, тебя...
И ты уже кричишь: да стой же, хватит! –
Ага, попался ! –
сразу тянешь в рот,
чтоб языком трепещущим коснуться –
но чёрт возьми! – гриб превратился в мёд, -
и половина пролилась на блюдец.
Ты наклоняешься (что за дурацкий вид) –
понюхать, подобрать и насладиться –
но вместо мёда там теперь горчица –
она смеётся, дразнит и горит
на языке.

Тогда ты мечешь в рот
всё, всё подряд – и запиваешь брагой.
А после тебя долго, страстно рвёт –
всё на бумагу, братцы, на бумагу.

...Останки эти канут во вчера,
съедаемы бактериями, днями,
водой уйдут и паром воспарят –
и снова станут, может быть, стихами.

2013

О пользе маникюра

Здесь, на палубе, бродят девицы в шмотье от-кутюр (ладно – прет-а-порте) – у меня же нет времени даже подивиться на них – бо с утра я творю маникюр: очищаю, стригу, и люблюсь, и пилочкой глажу.

Если спросят меня: «Для чего тебе сей антураж? Ты ж мужчина, тебе не к лицу» –

Я отвечу: «Милейший, приближается шторм, и корабль в опасности наш, а на шляпках с плотами – места для детей и для женщин.

Очень может случиться – посудина наша ко дну поплывет потихоньку – тогда лучше камень на шею: это будет быстрее – ведь я так и так утону, ибо плавать, увы, не умею, совсем не умею.

Но когда извлекут мой разбухший, чудовищный труп, водолазы устало сойдутся обедать, а там и, может, кто-нибудь скажет,

склонившись и пробуя суп:
"А покойник-то наш молодец –
он следил за ногтями"

И они улыбнутся...»

2013

Гастрономическое

Пока молочная река
кисельные буравит глины,
а солнечная осетрина
вся в каплях жира, и пока

глазурью лунного желтка
как оболочкою, облита,
сквозь символическое сито
слетает блинная мука;

пока незримая рука
льёт из небесного графина
то белые сухие вина,
то чуть добавит коньяка;

пока всё манит и живёт –
я буду жрать, глотать, давиться,
намазав сочную горчицу
на чернозёмный бутерброд.

Когда ж всё это пропадёт,
развоплотится, прекратится,
когда в руке замрёт синица,
снег станет – снег, лёд станет – лёд,
а заливные облака
окажутся банальной ватой –

тогда скажу: пока, ребята!
Пока.

О тишине

Тишины не бывает. В упругой среде
(ничего не попишешь – наука!),
то есть в воздухе или, допустим, в воде –
завсегда есть опора для звука.

Новорожденный звук, как бы ни был он мал –
впереди, по бокам, за спиною –
упадет ли листок, пролетит ли комар –
настигает, доходит волною.

И когда оглоушит тебя тишина –
не ищи объяснений нервозных –
это физика, братец. Причина одна:
воздух кончился. Кончился воздух.

2013

То ли девочка...

две косички легкие сандалии
и носочки вымокли в росе
мячик скачет девочка играет
ночью на обочине шоссе

мячик скачет скачет скачет косо
девочка за ним вдогонку за
на шоссе навстречу под колеса
как во сне ты жмешь на тормоза

.....

никого

блин что за чертовщина
лишь чуть-чуть вибрирует металл
выдохни расслабь лицо и спину
и вперед
ты попросту устал

но переключая передачу
замечаешь в чутком свете фар
под рукой горячей мячик скачет

не твоя ли это голова?

2013

Кошкотерапия

Нет, это лучше всяких процедур:
Достаточно прилечь хоть на немножко –
Ко мне на грудь запрыгивает кошка
И начинает свой мурмурмурмур.

Так я лечусь уже с десятков лет
Вот только кошка что-то заболела
И опухоль её сжирает тело
И нет лекарства, и надежды нет.

Но все равно, но кошка и такая
На грудь мою упорно заползает
И перед сном, и даже поутру –

Хоть это ей теперь совсем не просто –
На грудь мою, как на последний остров –
И начинает: мрумрумрумрумру...

2013

О воробье

Иногда просыпаешься ночью
(вылетая из сна – чёртот сон!)
приземляешься в тапки наощупь
и идешь покурить на балкон.

А зима за окошком такая,
словно кто-то весь мир побелил...
И почудится – будто ты з н а е ш ь,
только вот почему-то забыл.

И так близок, так, кажется, близок
ускользающий смысл бытия...

но срывается тенью – с карниза
сиганувшего вниз воробья.

2013

Джинн

Давно сижу. Давно. Уже старик.
Бутылка, море – здесь свои законы.
Все в руке божьей – в смысле, Посейдона.
Да, я роптал сперва. Потом привык.

И то сказать – на что мне этот мир
с его свободой? Что я делать буду?
Когда акулы там кишат повсюду
да скаты электрические... бырр...

Здесь, из окна – и так отличный вид.
Мне хорошо. Я повторяю снова:
мне хо-ро-шо. И я убью любого,
любого, кто меня освободит.

2013

* * *

за миг до сна за миг до сна
когда становится тесна
Большая Смысленная площадь
меня уносит вдоль реки
и рвёт слова как постромки
в маразм впадающая лошадь
она несёт меня туда
где чушь сидит на проводах
подобно воробьиной стае
в прекрасный трафальгарский сад
где бегает маркиз де Сад
чирикающая о будуаре
банальность с извращённостью
там из колодца воду пьют
пихаясь острыми локтями
и опускается с небес
отряд набоковских ванесс
крича ура! Москва за нами!
за миг до сна на грани сна
река вспухает как десна
пародонтозом зарастая
воспоминания в траве
то свитком бьют по голове
то словно тряпки истлевают
горит гора блестит блесна
Россия вспрянет ото сна
бульон куриный закудахчет
Кличко Сигал и Клодвандамм
покинут каждый свой майдан
и вмиг разъедутся по дачам

горит звезда звенит эфир
таится ночь в бельё из дыр
летают по небу матрасы
две рифмы под руки ведут
подругу утопиться в пруд
идут идут ведут ведут
я засы...

2014

Старый фильм

Он теперь, конечно, «легендарный»
(как и всё, что было в той стране),
но ведь вышел он совсем недавно –
я же помню, это же при мне!

Мельтешат актёры на экране,
веселятся – всем не много лет...
Как же странно, как же это странно,
если знаешь, что их больше нет.

Там у них и водка, и гитары,
а теперь... надеюсь, что покой...
Разве я такой, ребята, старый?
Оказалось – таки да. Такой.

Тут бы мне сказать – да ну, в болото
эти мысли! Продолжаем жить!
В этом роде... Только отчего-то
Ни хрена не тянет говорить.

2014

О щенке

Хорошо бы собаку купить
И.Бунин

Какая, к чёрту, жизнь?

Баланда из банала,
белёных потолков,
завшивевших идей.
Страна моя сама
в анал себя послала.
Прошу меня простить –
я не хочу быть с ней.

Имперские столбы
торчат на всех дорогах,
имперская слюна
летит на нас из тьмы,
и тьма диктует нам
из ящичков убогих:
кругом враги, но Мы...

Какие, к чёрту, мы?

Отчаянье теперь –
моё второе имя.
Чудовищный орёл
двойной разинул клюв.
Стыд. Так терзает стыд,
и так грызёт бессилье,
что хочется завывать,
что просто – хоть в петлю.

Нет, способ есть другой
(но это – между нами)
я, суки, жизнь свою
задаром не отдам.
Я вот: куплю щенка
с блакитными глазами,
весёлого щенка,
и назову – Майдан.

Он вырастет большой
и скажет мне: хозяин,
не надо горевать –
ей-бо, надежда есть,
и мы ещё споём,
и мы ещё полаем,
и даже поживём...

Какая, к чёрту, смерть?

2014

Бесы

Изнутри крепостных построек,
из-за стен и глухих ворот
засвистит соловьём разбойник,
заложивши два пальца в рот.

И – пойдёт: боевым сигналом
над страной пронесётся свист, –
и ощерятся по подвалам
стаи бледных помойных крыс;

в час, когда все уснут – хвостами,
как бичами, стегая тьму –
они хлынут наверх ручьями –
разносить городам чуму;

и набрякнет бубоном туча –
из её глубины тогда
изольётся струей могучей
оцинкованная вода;

пропитают потоки эти
швы и внутренности земли –
и взойдут, словно травы, дети –
удалые богатыри;

возликуют: За наших, друже! –
и давай молотить плеча –
а конями для них послужит
двухголовая саранча;

и закружатся ведьмы – в ступе,
в домовине, на помеле...

Что ж, пускай. Тем скорей наступит
Царство Божие на земле.

2014

Лунатик

Он идёт по карнизу за низкой луной.
Где же, где его мозг обитает больной? –
Кто он – зомби? Фанатик? Мечтатель?

И с небес – Крысолова оживший гобой –
направляет его и ведёт за собой
неусыпной луны излучатель.

Он идёт по карнизу, по хлипкой доске...
Что живёт в воспалённом его мозжечке?
Что, как птица, в висках его бьётся?

Напряжённа спина и закрыты глаза,
И ни тронуть его, ни окликнуть нельзя –
упадёт, дурачок, разобьётся.

И всё кажется мне, что – кричи не кричи –
миллионы лунатиков бродят в ночи –
я стою и гляжу на них снизу.

Десятимегатонная светит луна,
и под ней, не проснувшись, большая страна
всё идёт и идёт по карнизу.

2014

* * *

Мама раму мыла –
детские слова.
Мыла – не домыла,
мыла – да ушла.

Но всегда со мною
будет, словно крест:
мама раму моет,
Маша кашу ест.

2014

Холодное лето

Тепла б на выходные! Да куда...
Дождь льет и льет...Оплакивает что-то?
И грудью налегла на провода
патлатая небесная Суббота.

Бедняжка мается... Должно быть, перепой...
Трясет фатой, как пьяная невеста.
Несчастливая! – Давай, иди домой –
освободи для Воскресенья место.

Оно придет – и, слухам вопреки,
все уберет, очистит и осушит,
материками станут островки,
согреются заплаканные души.

Живи, живи – пока не надоест,
забыв дожди, невзгоды и обиды...
Наступит ночь – и ты увидишь крест.
И полумесяц.
И звезду
Давида.

2014

* * *

Спилили ель. Совсем уже сухую.
И в самом деле, ведь не ждать, когда
машина эта в одночасье рухнет,
подмяв собой и дом, и провода?

Огромная. Пришлось валить частями.
Проворно (не участок, а спортзал!)
залез наверх лихой узбекский парень
и тросом ей верхушку обвязал.

И ухнула дубинушка. Сломалась.
А ведь росла, стремилась к высоте,
и все-то на земле она видала –
небось, ей лет поболее, чем мне.

Лежит. Ствол – позвоночник, ветки – кости,
расчленена, недвижима, суха...
...Вот кольца сосчитать не удалось мне:
одна труха.
Труха.

2014

На Восток

я отправляюсь на восток
туда где память
там бродит белый носорог
пуррушотами

он шепчет мне пора забудь
вчера и завтра
тебя ждет путь далекий путь
ты бодхисаттва

и путь далек и ганг глубок
и брах-ма-пут-ра...
я уплываю на восток
туда где утро

2014

Мысленный эксперимент

Сижу на берегу. Здесь ветра нет.
Кузнечики играют, светит солнце,
шумит вода. И где-то в вышине
свивает время годовые кольца.

Здесь муравьи тропу свою торят,
порхают мимолетные стрекозы,
жуки ползут и пауки висят.
А я сижу и не меняю позы.

А где-то там – зима. Пылит пурга,
рычат машины и визжат трамваи...

Гляжу я на Янцзы – и труп врага
все время предо мною проплывает.

2014

* * *

Река обмелела. Смотри-ка:
рыбёшки снуют меж камней,
барахтаясь в солнечных бликах...

и что-то мерцает на дне.

Кольцо? Или, может, заколка?
Осколок стекла? – не поймешь...

Но смотришь. И смотришь так долго,
что будто в пространстве плывешь.

Планете вцепившись в загрибок,
летишь неизвестно куда...

Как все это неуловимо –
рождение, и смерть, и вода

да, неуловимо, случайно –
тропинки, травинки, стихи

и это мерцание тайны
на дне обмелевшей реки.

2014

На Троицу

Я сегодня проснулся. Кровать –
словно длани Господни.
Удивительно осознавать:
я проснулся сегодня.

Просто праздник какой-то с утра,
просто – счастье на блюдце;
я проснулся, проснулся – ура! –
А ведь мог не проснуться.

Солнце, май – лепота! Воробьи
расчирикались шустро,
и шальной паучок-домовик
угнезвился на люстре.

Ну, о чём же просить мне еще
Бога, Духа и Сына?
Солнце светит. Мгновенье течёт.
И блестит паутина.

2014

КАК БЫ С ЮМОРОМ

* * *

Недавно мне приснилось,
что от меня ушла жена...
К моему другу бывшему, с которым
поссорился лет сто тому назад.
Во сне я страшно
переживал и, кажется,
всплакнул.
Я просыпался и, в поту, рукою
все время шарил рядом... нет же, вот же,
да вот же, вот же, здесь она лежит
лежит себе и лишь сопит тихонько
в две дырочки. И с облегченьем
я снова засыпал.
И снова снилось, что она уходит,
и снова к другу, черт б его подрал...
И так всю ночь...

Сегодня мне приснилось,
что от меня ушла любовница... И снова
переживал я страшно... А проснувшись,
вдруг вспомнил, что любовницы-то нету...

Такое облегченье испытал...

2007

Душа графомана

Ну вот, ядрена вошь, опять она запела...
Слышь – разливается подобно соловью
не, во даёт – талдычит без предела:
l'amour l'amour l'amour, love you love you love you...
А вот пошел щегол, теперь – должно быть, филин
заухал так, что аж по коже – сыпь;
то квохчет, то свистит, то тренькает, то пилит,
а то завоет вдруг, как на болоте выпь.

На корабле моем, плывущем в океане,
Живёшь ты и поёшь на разны голоса
Но где же твой, скажи? Твой, самобытный, а не
дрозда, щегла, чижа, кукушки и скворца?

Опять меняешь глас при перемене галса...
Но ты не соловей, не иволга, не чиж –
ты просто попугай – как я не догадался?
Молчи, молчи давай...

.....

Чего же ты молчишь?

2008

Любовь и голуби

Я помню – в давние, студенческие годы
мы завалились компанией веселой
в одну кафешку летнюю, из многих,
что были в парке Горького тогда.
Мы пили пиво, тоже горькое, и даже
какое-то прогорклое... но дело
совсем не в этом. Правую рукою
держал я кружку – энную по счету,
а левою рукою приобнимал
за талию и даже чуть пониже
одну студентку милую, что стала
впоследствии моей женою (первой).
И вот, в разгар забав невинных этих,
в угаре солнца и хмельного удалства
мне прямо в пиво, в кружевную пену
нагадил голубь...

Как невнимательны бываем иногда
мы к знакам свыше...

2008

Философическое

Послушай, говорят, что кур доят,
и куры квохчут, но смиренно и послушно
встают на курдоильный аппарат –
он все же ласковей, чем кнут пастуший.

Послушай, вечерами поутру,
когда весна проклюнется, в апреле
взлетают гусаки метать икру,
что каждый накопил в роскошном теле.

Послушай, мне приснился сон во сне:
что я в аду, среди грешников и фурий,
стою по пояс в жи... ну да, в говне...
нас много, много здесь – и все мы курим.

Ну что, ребята, кончен перекур –
нам чёрт бормочет в этом адском гаме:
так-с, половина – на доеные кур,
а остальные – снова вверх ногами!

Я просыпаюсь. Родина. Весна.
Как хорошо! Белесые берёзы
балдеют, пробудившись ото сна,
как после сбалансированной дозы.

На небе слышно звучное кру-кру,
в деревьях раздается некий шелест –
то гусаки излишнюю икру
роняют вниз, стремглав летя на нерест...

2008

Анемона

Что-то мне не вмоготу стало в эту осень –
ни работать не могу, ни читать, ни есть.
То ли сглазил кто меня, то ли заморозил,
то ль уже других миров всё слышнее весть.

И поплёлся я к врачу, наклонивши выю,
сдал и кровь я, и мочу – больше ввек не сдать...
– У тебя, – сказал мне врач – дядя, анемия –
надо чаю больше пить да икорку жрать.

Я – домой, сварил чайку с мёдом и лимоном...
оборачиваюсь – глядь! Так твою растак! –
примостилась за столом эта... Анемона
и протягивает мне старенький пятак.

На него же, – говорю – ни черта не купишь
почитай, уж тридцать лет – вот такой облом,
це не деньги, – говорю – а реальный кукиш,
убирайся, мать твою, вместе с пятаком!

А она в ответ: пардон, мани непременно
нужно срочно поместить, извините, в рот,
потому что сей обол – не предмет обмена,
а скорее, говорит, плата за проход.

Что я, стукнутый мешком – грязь такую кушать?
Сей... пятак, смешно сказать, тыщу рук прошёл,
мне холера не нужна, как тебя, послушай...
Только чувствую – чегойт мне нехорошо –

потому – как поглядит тухлыми глазами,
анемичною рукой тянется ко мне...
Из последних сил шепчу: отвали, сказали!
И тихонечко, ползком, брюхом по стене –

я к родимому компу – хочешь иль не хочешь,
только, ёлы, выручай, мать-википедь!
О-па! Анемона-то – аленький цветочек,
а по-русски говоря, ветреница. Жесть!

Это, знать, тебя, – кричу – ветром принесло мне!
Тоже мне – смертяшка, блин, пятаком убей!
И беру горячий чай, свежесварённый,
и в отчаянье плещу на голову ей.

Оттого ли, что была порция большая,
иль подействовал, скорей, выжатый лимон –
но пришелица моя стала быстро таять
и тихонечко стекла лужицей под стол.

В фитнес-клубе я теперь гость из самых частых,
не болею, не хандрю, рву за пудом пуд...
Но на дачном на моём на лесном участке
анемоны не растут. Что-то не растут.

2012

ИГРИЩА

Буриме Морское

Над морем – сумерки. Ушел полдневный зной,
сменившись мягкой прохладой заката,
мерцают разноцветные цукаты
под набирающей сияние луной.

Но краски вышли у художника-заката,
и лишь налитый светом абрикос,
как зерна, разметенные в покос,
разбрасывает в небо звезд цукаты.

Светает. Перезревший абрикос
становится невыносимо сладок,
и падает на землю, как початок,
под острым лезвием косы... Рассвет – покос.

И снова будет день – горяч и сладок,
и вновь над миром разольется зной,
и море, вдохновленное луной,
соленым станет, словно тот початок,

что я купил на пляже...

2008

Три буриме

1. Осеннее

«Октябрь уж наступил». На лужи. И принёс
какие-то невыдуманные краски
сухие юркие гоняют ласки
за белками, опухшими от слёз.

А стрелки тикают под кругляшом стекла,
что, дескать, рано, рано, рано, рано...
мол, не смертельна пламенная рана -
всего лишь осень ранняя пришла.

А ты живешь – и ждешь от беглых лет
покоя, воли... может быть, и счастья
Как вдруг однажды глянешь на запястье –
а вместо стрелок – нестерпимый свет.

2. Лирическое

...А ты вошла. Сняла пальто. И свет
зажгла. Взглянула на запястье.
Произнесла: «Ну что, моё несчастье, –
соскучился?» Так, будто бы тех лет
и не было. Ни радости, ни слёз...
... И в ванную отправилась – чтоб краски
дневные смыть...
– Ты что, какие ласки?
Ну ладно... может быть... Хотя б принёс
мне полотенце...

.....Пред лицом стекла
вот так стою подолгу утром рано
и достаю из личного спецхрана
картинки, на которых ты пришла...

3. Снежное

Когда толпой идут несчастья
в течение долгих, долгих лет,
и рвётся, рвётся на запястье
нож, словно бабочка на свет;

когда уже тускнеют краски,
и жизнь расплавилась, стекла,
и смутно ощущаешь ласки
той, что скорее бы пришла –

взгляни в окно – как нынче рано
пришел мороз – и снег принес...
забинтовав земную рану...
– и не удержишься от слёз.

2008

Три мыслетропинки*

1. Весенняя

Ты слышишь тремоло? Играет воздух, –
но и еще какой-то – звук ли, треск
доносится из перелеска, возле
вон той засохшей елочки... И в лес
не заходя – еще с опушки видно:
там тетерев, напруживая зоб,
токует, демонстрируя либидо
подружке, выходящей из кустов.
Нагнись – увидишь: зимние квартиры
оттаяли; проснувшись, нагишом
проворные лесные фуражиры
чуть-чуть шурша, пошли за фуражом.
По веточкам, иголкам прошлогодним
отправились в замысловатый путь;
навстречу им ползут слепые корни
деревьев – чтобы воздуха глотнуть...
Такая... нет... такой покой нахлынет,
что с непривычки – кру́гом голова...
Присядь на корень – и в миры иные
тебя отправит вскоре сон-трава...

* «Мыслетропинка» – это игра. Задаются четыре слова, причем первое непременно должно находиться в первой строке стихотворения, а четвертое – в последней.

2. Осенняя

Под тремоло осеннего дождя,
стучащего по зонтичному краю,
иду я – а зачем – увы, не знаю.
Я просто так иду. Гуляю я.

Мой, как и осени, печален поздний вид:
волос – и тех становится все меньше;
и силуэты проходящих женщин
не накрывают волнами либид.

Какие женщины? – Закончились бои,
зарыты павшие; и больше не до жиру
помятым исхудававшим фуражирам,
снабжавшим раньше армии мои.

Ну что же? Ладно. Ладно. Бог с тобой –
живи, гуляй и радуйся, покуда
твои мозги – еще живое чудо –
не заросли дремучей сон-травой...

3. Летняя

Этой ночью – гастроли. Ты тремоло слышишь? –
Перепутав в потемках помост и карниз,
дождь железной чечеткой гуляет по крыше
и бежит параллельными струйками вниз.

Виноваты во всем аксиомы Евклида,
и с твоей не сойдется моя параллель
ни теперь, ни потом. – А цепное либидо
снова рвется с цепи... Только заперта дверь,

и крест-накрест заклеены окна квартиры,
где живешь ты, устало и зябко дрожа...
Обленились, наверно, твои фуражиры,
и совсем не осталось уже фуража.

Что же? Спи. Засыпай.

Пусть, то сильный, то слабый,
будет дождик стучать над твоей головой,
я ему подпою, притворюсь Окуджавой:
Сон-трава, сон-травы, сон-траве, сон-травой...

2008

Мыслетропинка предложная

О ком? О чём? – В предложном падеже
запрятана такая безнадёга...
попробуй удивиться хоть немного,
чтоб заживо не заржаветь, как жечь.

Сорвав с души хитоновый покров,
навстречу олеандровому бреду
брести и, не надеясь на победу,
плести ковер из символов и снов,

чтоб, так и не понявши ни луя,
почувствовать себя невиноватым
и замереть влюбленным экспонатом
на стёклышке предметном бытия.

2008

Еще три мыслетропинки

1. Озёрная

Большое зеркало легло
на землю. Бор и роща –
здесь все двои́тся – даже звёзд
и тех в два раза больше.

Как будто некто, зная толк
и повинуясь чуду,
мешок созвездий приволок
и разбросал повсюду.

А ночь мелодии сонат
под птичьи крики: просим! –
играет лунами двумя
на ксилофоне сосен.

И, сев на млечного коня,
чуть подтянув подпругу,
свершает, звёздами звеня,
свой вечный бег по кругу.

2. Мешочная

Стою перед зеркалом. Что же –
наверное, близится срок –
о, Боже! – ни кожи, ни рожи –
костей запылённых мешок.

И только глухим многоточьем
всегда – наяву и сквозь сон –
бессонный стучит молоточек
о рёбер моих ксилофон.

Как будто взывает оттуда:
не бойся, живи, человек –
ведь кровь по усталым сосудам
ещё продолжает свой бег.

3.Снежная

Здесь всюду зеркала
и белая игла
сшивает меж собой судьбы твоей
минуты
но медленная мгла
здесь всё заволокла
поверхности стекла
не видно
Потому ты
встав, положив в мешок
законченный стежок
садишься в тишину замерзшего вагона
и едешь в глубину
на родину, на звук –
забытый голосок земного ксилофона

туда, где всё идёт волшебный белый снег
по временам переходя на бег

2008

Мыслетропинка жаркая

На пальцы дня натянут неба свод
он распалён, расплавлен и распялен,
прошит насквозь пылящими лучами.
Под ним взопревший бегаёт народ,
на сковородку прыгнувший отважно.
Себя, наверно, ощущает каждый
налимом жирным, пухнувшим от жажды
и разевающим пятнистый рот
в молении бесплодном о воде –
но только масло, нет воды ни капли
весь город – как пожар на дирижабле:
ни спрятаться, ни выйти... И везде
в испарине дрожащего тумана
машины, добавляющие жара,
мелькающие, как колода карт,
снуют, и под колёсами асфальт
течёт, подобно лаве из вулкана.

2009

Мыслетропинка предновогодняя

Жизнь – это река в представленьи буддистов
...а снег за окном удивительно чистый
валит и валит он, и всё ему мало
он тоже река – ни конца, ни начала
и переплетает в потоке летящем
прошедшее с будущим и настоящим
и я вместе с ним уплываю куда-то...

...оконные рамы задраены ватой
приклеены к стеклам резные снежинки
и мама стучит на печатной машинке –
чтоб к Новому году на ёлке одетой
росли мандарины, шары и конфеты...

сквозь вату, сквозь сон, как в игрушечном тире,
разносится звук по холодной квартире,
и так под него замечательно спится,

а снег все кружится, кружится, кружится –
и все замечает – что было, что будет
в нём тонут невзгоды, события, люди,

и снова глаза закрываются сонно
под стук ремингтона, под стук ремингтона...

2010

B COABTOPCTBE

1. Бал «Besa me mucho»

Наталья Иванова

*Я – маятник, качающий в ночи
Ту колыбель меж болью и забвеньем,
Где прячутся в потертые плащи
Секунды страсти и обмана тени.
От нежности и трепетности рук
До швов души, еще кровоточащих,
(Которые безжалостно хирург
Шил по живой любви иглой тончайшей),
От крика – в шёпот, от стены – к стене,
С гримасой, на улыбку не похожей,
Придется много лет качаться мне,
В биеньях пульса сердце уничтожив.*

Александр Спарбер

Всё кончено... И вот – слепой скорняк
Вощёной дратвой нацепил заплату
На черную дыру, на тлен, на мрак,
На пустоту, где лишь вчера была ты.
Под кожей глохнет белая вода,
Из швов идет не кровь, а сгустки гноя;
Но сердце рыбой бьётся иногда
Как будто хочет вымолвить – живое.
...И вновь губой хватаюсь за крючок,
За маятник твоей любви капризной,
и с ним качаюсь – телу горячо –
В который раз над пропастью повиснув.

2.

Алёна Вайсберг

*Бесами... Бесами мучил:
тыкались в ребра, смуцали, мешали дышать.
Крест ты мой, карма и случай...
И под залогом в ломбарде у бесов душа...*

*Вместе? Нет. Но послушай,
Как наши души под стражей поют в унисон.
Тесно им, рвутся наружу,
Чтобы украсить собой серый выцветший фон...*

*С песнями бесам не скучно:
неисполненье желаний рождает стихи.
Честен ты: врозь будет лучше...
Утихомирятся бури в стакане стихий...*

Александр Спарбер

Бесами... Бесами мучим
сам я – ты же вовсе, пойми, ни при чём;
Честно?

Нет, я правду оставлю на случай,
если
нам наскучит скитаться вдвоем.

Где же мы? Где мы с тобою?
Стой же – чтоб вокруг оглядеться я смог...
Беженцы... мы искали зарытую Трою,
но дошли
до развилки забытых дорог.

Лесом и
полем колючим
Будем брести и брести мы всё дальше с тобой,
Вёрсты
нас пускай хоть чему-то научат...
Слышишь? – это бьётся за стенами Трои – прибор.

3.

Галина Самойлова

*спи, страстью измучен...
Выскользну нежно я из-под горячей руки...
о, бэсаме мучо...
мы бесконечно – навечно – теперь – далеки...*

*Я на прощанье
ни рукою, ни взглядом
нежно тебя не коснусь...
О, обещаю,
К тебе, моя радость,
песнею страстной вернусь...*

*Спи, спи мой любимый...
Я затеряюсь в людской многоликой толпе,
Я только имя отныне,
Что для тебя прозвучит на чужом языке...*

Александр Спарбер

Утро. Как же нелепо.

Я всё пытаюсь понять, почему? – не могу...

Пусто. И только слепок

на простыне отпечатался, как на снегу,

тела. Контуры тела

след свой оставили – хоть теперь волком завой...

Жалко, что мне не сделать

гипсовый оттиск, который остался б со мной.

Где ты? глупая, где ты?

Даже не смог помахать твоему кораблю...

Ладно. Не было. Нету.

Пусть мне приснится, что всё ещё, всё ещё сплю...

4. Испанский танец

Анука

Мы будем сегодня
любить по-испански.
El ombre. El tundo...
Мы будем вдвоем.
И *besa te tichos*
Звеняще-пьянящих
С гитарного грифа
Слижу языком
И юбка фламенко
Вас можно на танец?
Дразняще и терпко
Хлестнет по лицу.
La пламя
Горячее
В ваших объятьях
Под треск кастаньеты
Бушует. Хочу
Вас, сеньор,
Откровенно
И нагло.
Вся площадь Жероны
Залита жарой
Нагой и слепящей
До дрожи и плача
О, *besa te ticho!*
Аморе! Вы мой!!!

Александр Спарбер

Не надо, не надо
не трогай руками
разбудишь гремучих
желаний змею.
Запрятано прочно
могучее пламя
не вскармливать лучше
пантеру мою.
Но треск кастаньеты
жара,
и колено
под юбкой, летящей
куда-то за край...
Держи меня крепче
о, *mia morena*
Отчётливей,
чаще
давай же, давай!
То быстро
и дерзко,
то медленно-узко
и потная капля
течёт по плечу...
Давай же, давай же
моя андалузка!
О, *besa me mucho!*
Аморе! Хочу!

2008

Вальс покоя

Галина Самойлова – Александр Спарбер

Она:

*Изможденный, усталый, изруганный,
Не печалься – дарован покой...*

*Бор сосновый, где звери не пуганы,
Над медлительной, тихой рекой.*

*Дом тесовый с открытыми ставнями,
Под окошком - сиреневый сад...*

*Ты простишься с печалью давними,
И устало прикроешь глаза,*

*И услышишь – над розовым клевером
Золотое жужжание пчёл,*

*Ближе к ночи - кудыкает перепел,
А куда – не тебе, ты пришёл...*

Он:

Здесь так тихо. Здесь всё без движения –
прикорнув, отдыхает земля.

Слышно лишь муравьев копошение,
скрип колодезного журавля,

да далекие смутные отклики
пролетающих братьев его,

шелестенье сирени под окнами,
пчёл жужжание... нет ничего,

что тревожило б – светом ли, звуками...
Я пришёл, но куда – не пойму.

Здесь покой колыбельно баюкает...
Да на что мне покой – одному?

2010

ПЕРЕВОДЫ

Джон Донн. Священные сонеты

Holy Sonnet I

Tho has made me, and shall thy work decay?
Repair me now, for now mine end doth haste;
I run to death, and death meets me as fast,
And all my pleasures are like yesterday.
I dare not move my dim eyes any way,
Despair behind, and death before doth cast
Such terror, and my feeble flesh doth waste
By sin in it, which it towards hell doth weigh.
Only thou art above, and when towards thee
By thy leave I can look, I rise again;
But our old subtle foe so tempteth me
That not one hour myself I can sustain.
Thy grace may wing me to prevent his art,
And thou like adamant draw mine iron heart.

I.

Творение Твое – я жду распада.
Исправь меня иль исцели, как врач;
Уж смерть и я – навстречу мчимся вскачь,
Пыль замела желанья и улады.
Назад, увы, не смею бросить взгляда,
А впереди ждет смерть – слепой палач.
И страшно мне. Слабеет плоть, хоть плачь,
Под тяжестью, влекущей в пропасть ада.
Но надо мною – Ты. В последний раз
Позволь мне вверх смотреть – я встану снова,
Ведь без Тебя не выстоять и час
Перед соблазном супостата злого.
Ты защищаешь и ведешь в борьбе;
И, как магнит, ты сердце рвешь к себе.

Holy Sonnet 2

As due by many titles I resign
My self to Thee, O God; first I was made
By Thee, and for Thee, and when I was decayed
Thy blood bought that, the which before was Thine;
I am Thy son, made with Thy Self to shine,
Thy servant, whose pains Thou hast still repaid,
Thy sheep, thine image, and, till I betrayed
My self, a temple of Thy Spirit divine;
Why doth the devil then usurp on me?
Why doth he steal, nay ravish that's thy right?
Except thou rise and for thine own work fight,
Oh I shall soon despair, when I do see
That thou lov'st mankind well, yet wilt not choose me,
And Satan hates me, yet is loth to lose me.

II.

Я Твой по праву – телом и душой.
Меня ты создал – большего не надо;
Но кровью спас меня Ты от распада
И тем свое оставил за собой.
Твое подобье я и сын я Твой,
Овца из Твоего земного стада,
Твой раб; и коль не изменюсь – награда:
Я буду храм, где жив Твой Дух Святой.
Что ж враг, как коршун, душу рвет мою?
Как посягать он смеет на чужое?
О Боже, не отдай меня без боя,
Вступи в борьбу за собственность свою.
Да, Твой – весь мир, и нет во мне отличий;
Но отвернешься – улетит с добычей.

Holy Sonnet 3

O might those sighs and tears return again
Into my breast and eyes, which I have spent,
That I might in this holy discontent
Mourn with some fruit, as I have mourned in vain;
In mine Idolatry what showers of rain
Mine eyes did waste! what griefs my heart did rent!
That sufferance was my sin; now I repent;
'Cause I did suffer I must suffer pain.
Th' hydropic drunkard, and night-scouting thief,
The itchy lecher, and self-tickling proud
Have the remembrance of past joys for relief
Of coming ills. To (poor) me is allowed
No ease; for long, yet vehement grief hath been
Th' effect and cause, the punishment and sin.

III.

Когда б глаза мои наполнил вал
Тех слез, что растранирил я когда-то,—
На почву, разрыхленную лопатой,
Дождем бы выдал плач — и плод давал.
Но нет, не дождь — а ливень! Бури шквал! —
Пред идолом — на каменное плато —
Обрушил я. Раскаянье — расплата:
Я потому страдаю, что страдал.
И вор ночной, и пьяница бездомный,
Зудит гордыня в ком иль похоть жжет —
Веселые деньки свои припомнят —
И боль хоть на мгновение уйдет.
Мне ж — только боль, и больше ничего:
Ведь в ней — и грех, и кара за него.

Holy Sonnet 4

Oh my black soul! Now art thou summoned
By sickness, death's herald, and champion;
Thou art like a pilgrim, which abroad hath done
Treason, and durst not turn to whence he is fled;
Or like a thief, which till death's doom be read,
Wisheth himself delivered from prison,
But damned and haled to execution,
Wisheth that still he might be imprisoned.
Yet grace, if thou repent, thou canst not lack;
But who shall give thee that grace to begin?
Oh make thy self with holy mourning black,
And red with blushing, as thou art with sin;
Or wash thee in Christ's blood, which hath this might
That being red, it dyes red souls to white.

IV.

О, черная душа! Тебя живьем
Поймал недуг, на службу к смерти принял;
Ты – тот изгой, что предал на чужбине
И уж войти не может в отчий дом;
Ты узник – тот, что бился в стены лбом
И проклинал судьбу свою, а ныне
Благословляет жизнь в тюремной глине –
Лишь смертный приговор произнесен.
И только в очищении – надежда, –
Пройди свой путь, душа – он есть всегда:
Надень сначала черные одежды,
Как преступление, стань красной от стыда, –
И никогда не забывай о ней –
О красной крови Бога – и бледней.

Holy Sonnet 5

1 I am a little world made cunningly
2 Of elements and an angelic sprite,
3 But black sin hath betray'd to endless night
4 My world's both parts, and oh both parts must die.
5 You which beyond that heaven which was most high
6 Have found new spheres, and of new lands can write,
7 Pour new seas in mine eyes, that so I might
8 Drown my world with my weeping earnestly,
9 Or wash it, if it must be drown'd no more.
10 But oh it must be burnt; alas the fire
11 Of lust and envy have burnt it heretofore,
12 And made it fouler; let their flames retire,
13 And burn me O Lord, with a fiery zeal
14 Of thee and thy house, which doth in eating heal.

V.

Я – малый мир. Во мне – и дух, и зверь; –
Земля и высь сплелись в одном созданье;
Но заразил их грех своим дыханьем,
И не уйти от смерти им теперь.
Вы, прорубившие сквозь небо дверь,
Где новых стран белеют очертанья, –
В глаза моря мне влейте, чтоб рыданьем
Я затопил поля своих земель.
Нет! – Этот мир уж не отмыть, похоже:
Он в копоты нечистого огня
Моих страстей. Задуй их пламя, Боже,
И в истинном огне сожги меня;
Я вижу, знаю: Твой огонь пылает; –
Огонь, что поглощая, – исцеляет.

Holy Sonnet 6

1 This is my play's last scene; here heavens appoint
2 My pilgrimage's last mile; and my race,
3 Idly, yet quickly run, hath this last pace,
4 My span's last inch, my minute's latest point;
5 And gluttonous death will instantly unjoint
6 My body and my soul, and I shall sleep a space;
7 But my'ever-waking part shall see that face
8 Whose fear already shakes my every joint.
9 Then, as my soul to'heaven, her first seat, takes flight,
10 And earth-born body in the earth shall dwell,
11 So fall my sins, that all may have their right,
12 To where they'are bred, and would press me, to hell.
13 Impute me righteous, thus purg'd of evil,
14 For thus I leave the world, the flesh, the devil.

VI.

Спектакль кульминации достиг:
Последний пункт пути уже указан;
Последний звук мне отведенной фразы,
Последний шаг, последний часа – миг.
Обжора-смерть приходит, как мясник,
От тела душу отделяя сразу, –
И будет ночь; – но вечно бдящий разум
Узрит на небе в дрожь вводящий лик.
Когда же плоть замрет в земле родимой,
Душа вспорхнет – и вверх, домой, назад, –
Тогда грехи, скользнув, неумолимо,
Как жернова, вомнут и вдвоят в ад.
Дай сил, Господь! – я этот груз страхну;
А с ним – и мир, и плоть, и сатану.

Holy Sonnet 7

At the round earth's imagined corners, blow
Your trumpets, Angels, and arise, arise
From death, you numberless infinities
Of souls, and to your scattered bodies go,
All whom the flood did, and fire shall o'erthrow,
All whom war, dearth, age, agues, tyrannies,
Despair, law, chance, hath slain, and you whose eyes,
Shall behold God, and never taste death's woe.
But let them sleep, Lord, and me mourn a space,
For, if above all these, my sins abound,
'Tis late to ask abundance of thy grace,
When we are there; here on this lowly ground,
Teach me how to repent; for that's as good
As if thou hadst seal'd my pardon, with thy blood.

VII.

О, ангелы с углов земли! – Трубите! –
Восстаньте, души! – И быстрее, быстрее –
Бессчетными скопленьями теней
Нетленные, к телам своим летите; –
Все, что сгорели, сгнули в синклите
Болезней, боен, наводнений, дней;
Все праведники племени людей,
Что пред престолом Божиим Бога зрите!..
Но нет, им спать. А плакать – это мне.
Грехов так много, что молиться Богу
Там – будет поздно. Здесь же, на земле,
О Боже Правый, укажи дорогу
Раскаянья. Тогда увижу я:
На отпущении – печать Твоя.

Holy Sonnet 8

If faithful souls be alike glorified
As angels, then my father's soul doth see,
And adds this even to full felicity,
That valiantly I hell's wide mouth o'erstride:
But if our minds to these souls be descried
By circumstances, and by signs that be
Apparent in us, not immediately,
How shall my mind's white truth by them be tried?
They see idolatrous lovers weep and mourn,
And vile blasphemous conjurers to call
On Jesus name, and Pharisaical
Dissemblers feigne devotion. Then turn,
O pensive soul, to God, for he knows best
Thy true grief, for he put it in my breast.

VIII.

Коль верным душам – там, в ином краю,
Как ангелам, дано иное знанье, –
Отец мой счастлив: хватит мне дыханья
Преодолеть, геенна, пасть твою.
Но если нет? – И судят нас в раю
Земным сужденьем, прежним пониманьем, –
То как проникнуть им в мое сознанье,
Как мой отец постигнет суть мою?
Печально души смотрят: здесь без меры
Творят богов из собственных страстей,
Факиры рассуждают о Христе,
И хитрость надевает маску веры.
Пусть это так; – и все ж поверь, отец:
И мне печаль дал бережный Творец.

Holy Sonnet 9

1 If poisonous minerals, and if that tree
2 Whose fruit threw death on else immortal us,
3 If lecherous goats, if serpents envious
4 Cannot be damn'd, alas, why should I be?
5 Why should intent or reason, born in me,
6 Make sins, else equal, in me more heinous?
7 And mercy being easy, and glorious
8 To God, in his stern wrath why threatens he?
9 But who am I, that dare dispute with thee,
10 O God? Oh, of thine only worthy blood
11 And my tears, make a heavenly Lethean flood,
12 And drown in it my sins' black memory.
13 That thou remember them, some claim as debt;
14 I think it mercy, if thou wilt forget.

IX.

Господь, за что? – Ни яды, ни змея,
Ни похоть коз, ни древо, чье цветенье
Взрастило смерть бессмертному творенью –
Не прокляты. За что же проклят – я?
Зачем, еще рождаясь, мысль моя
Уже везде распространяет тленье?
И где Твое, о Боже, всепрощенье,
Коль ярость так неистова Твоя?
Но я-то – кто? Прости... Пусть слез ручьи
И, Боже, кровь Твоя – сольются в реки,
В один поток, – и он, бурля, навеки,
Как Лета, заберет грехи мои.
Ты помнишь все; – и все же – как-нибудь –
Забудь – прошу Тебя! Забудь, забудь.

Holy Sonnet 10

Death be not proud, though some have called thee
Mighty and dreadful, for thou art not so,
For those whom thou think'st thou dost overthrow,
Die not, poor death, nor yet canst thou kill me.
From rest and sleep, which but thy pictures be,
Much pleasure, then from thee, much more must flow,
And soonest our best men with thee do go,
Rest of their bones, and soul's delivery.
Thou art slave to Fate, Chance, kings, and desperate men,
And dost with poison, war, and sickness dwell,
And poppy, or charms can make us sleep as well,
And better than thy stroke; why swell'st thou then?
One short sleep past, we wake eternally,
And death shall be no more; death, thou shalt die.

X.

Не надо, смерть, гордиться. Госпожой
Тебя считают страшной, но послушай:
Не задыхаются, кого ты душишь,
И я смеюсь, бедняжка, над тобой.
Мы в снах блаженных чужим образ твой:
Ты – тот же сон, лишь сумрачней и глуше;
И так же щедро лучшим в мире душам
Несешь освобожденье и покой.
Живешь слепого случая рабой
В чумном бараке, сырости и стуже.
А чтоб забыться – мак ничуть не хуже, –
Напрасно ты любишь себя собой.
Ведь сны кончаются. Как ночь. Как ложь.
Мы будем вечно, смерть. А ты – умрешь.

Holy Sonnet 11

Spit in my face you Jews, and pierce my side,
Buffet, and scoff, scourge, and crucify me,
For I have sinned, and sinned, and only he
Who could do no iniquity hath died:
But by my death can not be satisfied
My sins, which pass the Jews' impiety:
They killed once an inglorious man, but I
Crucify him daily, being now glorified.
Oh let me, then, his strange love still admire:
Kings pardon, but he bore our punishment.
And Jacob came clothed in vile harsh attire
But to supplant, and with gainful intent:
God clothed himself in vile man's flesh, that so
He might be weak enough to suffer woe.

XI.

Вот я. – Бичуйте, рвите, истребляя,
Меня, меня, меня, меня, меня:
Я без греха не мог прожить и дня, –
А Кто не мог грешить – погиб, страдая.
Пусть оболочку скроет пыль земная, –
Не скрыться мне от адского огня:
Ведь вы не знали, кем Он был – казня,
А я, и прославляя – распинаю.
Его любовь – как смею я о ней?
Ведь крест его – за нас, людей, расплата.
Иаков, чтобы выжить, стать сильней,
Надел звериные покровы брата;
А Бог решил земную плоть надеть,
Чтоб слабым стать и в муках умереть.

Holy Sonnet 12

Why are we by all creatures waited on?
Why do the prodigal elements supply
Life and food to me, being more pure than I,
Simple, and further from corruption?
Why brook'st thou, ignorant horse, subjection?
Why dost thou, bull, and bore so seelily,
Dessemble weakness, and by one man's stroke die,
Whose whole kind you might swallow and feed upon?
Weaker I am, woe is me, and worse than you,
You have not sinned, nor need be timorous.
But wonder at a greater wonder, for to us
Created nature doth these things subdue,
But their Creator, whom sin nor nature tied,
For us, His creatures, and His foes, hath died.

XII.

Тебе покорны твари, Человек,
Зачем, зачем? Чисты и нерастленны –
Зачем стихии щедро, неизменно
Дают тебе и пищу, и ночлег?
Зачем ты, конь, прочь не стремишь свой бег?
Зачем ты жвачку, бык, жуешь смиренно
И в страхе ждешь удара, что мгновенно
Прервет твой без того короткий век?
Я человек – я хуже, я слабее,
Я весь в грехах – на вас же нет вины;
И чудо – что вы мне подчинены;
Но от другого чуда я немею:
Создавший небо, пламя, воду, твердь -
За нас, за тварей – сам пошел на смерть.

Holy Sonnet 13

What if this present were the world's last night?
Mark in my heart, O soul, where thou dost dwell,
The picture of Christ crucified, and tell
Whether that countenance can thee affright,
Tears in his eyes quench the amazing light,
Blood fills his frowns, which from his pierced head fell.
And can that tongue adjudge thee unto hell,
Which prayed forgiveness for his foes' fierce spite?
No, no; but as in my idolatry
I said to all my profane mistresses,
Beauty, of pity, foulness only is
A sign of rigour: so I say to thee,
To wicked spirits are horrid shapes assigned,
This beauteous form assures a piteous mind.

XIII.

Что, если этот вечер, ночь вот эта –
Последние? В предсмертный лик Христа
Вглядись, душа – хотя б одна черта
Тебя страшит предчувствием ответа?
Смотри: в глазах – сквозь боль – сиянье света;
Чело не пачкает мирская суета;
И разве «ад» произнесут уста,
Когда любовь к врагам – суть их завета?
Душа, не бойся. Страсть меня вела,
Но я, бывало, говорил любимой:
«Будь доброй, если хочешь стать красивой,
А пудра не поможет, коли зла; –
Ведь злость – уродством прорастет из черт...»
А Он прекрасен – значит – милосерд.

Holy Sonnet 14

Batter my heart, three-personed God; for you
As yet but knock, breathe, shine, and seek to mend;
That I may rise and stand, o'erthrow me, and bend
Your force to break, blow, burn, and make me new.
I, like an usurped town, to another due,
Labor to admit you, but O, to no end;
Reason, your viceroy in me, me should defend,
but is captived, and proves weak or untrue.
yet dearly I love you, and would be loved fain,
But am betrothed unto your enemy.
Divorce me, untie or break that knot again;
Take me to you, imprison me, for I,
Except you enthrall me, never shall be free,
Nor even chaste, expect you ravish me.

XIV.

Разбей мне сердце, Боже. Помоги:
Уж поздно дуть, светить, лечить изъяны, –
Я безнадежен... Может, снова встану –
Но опрокинь меня, разрушь, сожги –
И вновь построй, – как город, что враги
Без боя взяли. Я б сражался рьяно –
Но разум, что Ты дал мне для охраны, –
Он сам попался в плен, шепнув: беги!
И нет, нет сил открыть Тебе ворота;
Мой Бог, прости! – Я спутался с врагом; –
Порви же путы и святым налетом
Отбей меня, возьми, запри в свой дом;
Лишь власть Твоя свободу мне дает,
А чистоту – насилие Твое.

Holy Sonnet 15

Wilt thou love God, as he thee? Then digest,
My soul, this wholesome meditation,
How God the Spirit, by angels waited on
In heaven, doth make his Temple in thy breast.
The Father having begot a Son most blest,
And still begetting, (for he ne'er be gone)
Hath deigned to choose thee by adoption,
Co-heir t' his glory, and Sabbath' endless rest.
And as a robbed man, which by search doth find
His stol'n stuff sold, must lose or buy 't again:
The Son of glory came down, and was slain,
Us whom he'd made, and Satan stol'n, to unbind.
'Twas much that man was made like God before,
But, that God should be made like man, much more.

XV.

Бог есть любовь. Урок, душа, тверди –
Такой любви нет в мире, не бывает:
Ведь Дух Святой не там, вверху, летает, –
А строит храм здесь, у меня в груди;
Отец рождает Сына; и, гляди:
Он и сейчас, сейчас Его рождает; –
И тем, душа, тебя усыновляет
И обещает отдых впереди.
А Сын? Спустившись из своей страны,
Он нас, как краденую вещь, обратно
Себе вернул, ценой невероятной
Нас выкупив из лавки сатаны.
...Бог создал нас по своему подобию
И, став подобным, спас – свою кровью.

Holy Sonnet 16

Father, part of his double interest
Unto thy kingdom, thy Son gives to me,
His jointure in the knotty Trinity
He keeps, and gives to me his death's conquest.
This Lamb, whose death with life the world hath blest,
Was from the world's beginning slain, and he
Hath made two Wills which with the Legacy
Of his and thy kingdom do thy Sons invest.
Yet such are thy laws that men argue yet
Whether a man those statutes can fulfil;
None doth; but all-healing grace and spirit
Revive again what law and letter kill.
Thy law's abridgement, and thy last command
Is all but love; Oh let this last Will stand!

XVI.

Земную часть богатства своего
Христос дает мне – щедро, без ответа;
Твой Сын и Бог, но человек при этом,
Он дарит мне – над смертью торжество.
Жизнь нашу оправдала смерть Его,
Но, закланый от основанья света,
Поставил он условием два завета
Для обретенья царства Твоего.
Они казались нам неисполнимы,
Немыслимы, и суть была мертва;
Но Дух-целитель силою незримой
Вновь оживил убитые слова:
Любовь – вот суть; все пропадет и канет –
Она лишь пусть вовек не перестанет.

Holy Sonnet 17 (written after the death of Ann More)

Since she whom I loved hath paid her last debt
To Nature, and to hers, and my good is dead,
And her soul early into heaven ravished,
Wholly on heavenly things my mind is set.
Here the admiring her my mind did whet
To seek thee, God; so streams do show the head;
But though I have found thee, and thou my thirst hast fed,
A holy thirsty dropsy melts me yet.
But why should I beg more love, whenas thou
Dost woo my soul, for hers offering all thine:
And dost not only fear lest I allow
My love to saints and angels, things divine,
But in they tender jealousy dost doubt
Lest the world, flesh, yea, devil put thee out.

XVII.

Я потерял сокровище мое:
Она на небесах. Природным силам
Сполна свой долг последний уплатила
И облака баюкают ее.
И вслед за ней я душу, как копье,
Метнул наверх – к Тебе, о Боже милый,-
Река любви мне жажду утолила,
И вновь, дрожа, прошу Твое питье.
Но Ты дал – все. Живое вещество
Ее души Ты снова мне даруешь;
Но и меня Ты требуешь – всего,
И ждешь, и даже к ангелам ревнуешь.
А я не тот – увы, я слаб, Господь:
И манит сатана, и хочет плоть.

Holy Sonnet 18

1 Show me dear Christ, thy spouse so bright and clear.
2 What! is it she which on the other shore
3 Goes richly painted? or which, robb'd and tore,
4 Laments and mourns in Germany and here?
5 Sleeps she a thousand, then peeps up one year?
6 Is she self-truth, and errs? now new, now outwore?
7 Doth she, and did she, and shall she evermore
8 On one, on seven, or on no hill appear?
9 Dwells she with us, or like adventuring knights
10 First travel we to seek, and then make love?
11 Betray, kind husband, thy spouse to our sights,
12 And let mine amorous soul court thy mild Dove,
13 Who is most true and pleasing to thee then
14 When she's embrac'd and open to most men.

XVIII.

В виссоне светлом чистая жена
Где, Агнец, где? – Гуляет за морями,
Вся в золоте, иль плачет рядом с нами,
Унижена, дотла разорена?
Как выглядит: ветха или юна?
Несет безумства или правды знамя?
Равниною? – Холмом? – Семейю холмами
Отмечен город, где живет она?
Она – средь нас? Иль только чрез мученья
Пройдя, ее любовь я обрету?
Ответь мне, добрый Муж, развея сомненья:
Душа полюбит голубицу ту,
Что льнет к Тебе; и что, с Тобою слита,
Всех обнимает и для всех открыта.

Holy Sonnet 19

Oh, to vex me, contraries meet in one:
Inconstancy unnaturally hath begot
A constant habit; that when I would not
I change in vows, and in devotion.
As humorous is my contrition
As my profane love, and as soon forgot:
As riddingly distempered, cold and hot,
As praying, as mute; as infinite, as none.
I durst not view heaven yesterday; and today
In prayers and flattering speeches I court God:
Tomorrow I quake with true fear of his rod.
So my devout fits come and go away
Like a fantastic ague; save that here
Those are my best days, when I shake with fear.

XIX.

Противоречья снюхались. И вот
У них урод родился, как от пьянства:
Привычка подлая к непостоянству. –
Лгу постоянно, даже совесть лжет.
Раскаянье мое – к грехам ведет,
Любовь моя – как лед, а боль – жеманство;
То бесконечно, то мертво пространство;
Молюсь; молчу; то жар, то холод бьет.
Не смел глядеть на небо – что с того? –
Сегодня льщу я Богу без оглядки,
А завтра – жду расплаты... Вот припадки
Святого благочестья моего.
...Но истинные дни бывают все же:
Когда нахлынет страх – до слез, до дрожи.

1993-94

Вариант № 3

Что Гроус отходит – раз черти прознали.
И чпок! – престарелого черта послали.
Тот входит – сэр Фрэнсис стенает вовсю, и
кровать под ним тоже поет отходную.
Чертяка воскликнул: ей-богу, никак! –
Не то и по мне споят отходняк!

Вариант № 4

Прознал Сатана, что здоровье ни к чёрту
у Гросса – и прыг! – прямо к смертному одру.
На одре том Фрэнсис чертей поминает,
А одр – еще громче под Гроссом стенает.
Ну нет! – крикнул Дьявол – нет...Ноша не та,
by God! - в ней же фунтов, пардон, до черта!

2007

Уильям Вордсворт. Нарциссы

I wander'd lonely as a cloud
That floats on high o'er vales and hills,
When all at once I saw a crowd,
A host, of golden daffodils;
Beside the lake, beneath the trees,
Fluttering and dancing in the breeze.

Continuous as the stars that shine
And twinkle on the Milky Way,
They stretch'd in never-ending line
Along the margin of a bay:
Ten thousand saw I at a glance,
Tossing their heads in sprightly dance.

The waves beside them danced; but they
Out-did the sparkling waves in glee:
A poet could not but be gay,
In such a jocund company:
I gazed – and gazed – but little thought
What wealth the show to me had brought:

For oft, when on my couch I lie
In vacant or in pensive mood,
They flash upon that inward eye
Which is the bliss of solitude;
And then my heart with pleasure fills,
And dances with the daffodils.

Вариант №1

Однажды, словно облака,
Блуждал я средь холмов родных –
И увидал у озера
Толпу нарциссов золотых,
Что танцевали поутру
В тени деревьев, на ветру.

Их плотный непрерывный строй,
Подобный Млечному пути,
Тек бесконечной чередой
Вдоль берега. До десяти,
Наверно, тысяч их, смеясь,
Плясали сумасшедший вальс.

Что рядом с ними волны? Нет –
Тот танец был куда живей,
И в их компании поэт
Сам становился веселей.
Смотрел, смотрел я – и не знал,
Что клад бесценный отыскал.

И вот теперь, когда порой
Лежу – задумчив, грустен, вял –
Как сон, всплывает предо мной
Нарциссов бал, волшебный бал,
И, радостным объято сном,
Ликует сердце в танце том.

Вариант № 2

Я, словно облако, блуждал
среди долин, лугов, холмов,
когда внезапно увидел
скопление золотых цветов,
танцующих у озера
под окарину ветерка.

Их было столько, что вздохнуть
не мог я. Вечную юдоль
свою покинув, Млечный путь
здесь берега засеял вдоль, –
и каждое его зерно
нарциссом огненным возшло.

Они плясали. Буйный вальс
был веселей, чем танец вод,
я любовался им, смеясь,
но, в колдовской нырнув полет,
не ведал в тот пьянящий миг,
чего нечаянно достиг.

По вечерам, закутав в плед
свою стареющую плоть,
я вспоминаю тот балет
и тот полет... прости, Господь, –
я одинок – почти как Ты, –
но в сердце – лишь цветы.
Цветы...

Вариант № 3

Однажды, облаком блуждая,
один, среди холмов и скал,
я увидел свечение рая –
цветов блестящих карнавал.
Там в танце трепетно сплелись
нарциссы, озеро и бриз.

Наверно, это Млечный путь
завидев мягкие стога,
сошел на землю отдохнуть
собой заполнив берега;
перемешались верх и низ,
нарциссы, озеро и бриз.

Блистал в волнах, играя, свет,
и каждый стебелек плясал
так вдохновенно, что поэт
на время вновь ребенком стал...
Тогда в душе навек слились
нарциссы, озеро и бриз.

И вот теперь, когда повис
я на остатке бледных дней, –
нарциссы, озеро и бриз
всплывают в памяти моей.
И я танцую до сих пор
с нарциссами среди озер.

Содержание

БРО-УНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, или ЗАКЛИНАНИЕ ПУСТОТЫ

Брейгель	19
Черёмуха в стакане.....	21
Черный квадрат.....	22
Анти-Исход.....	23
Мунк. Крик.....	25
Над вечным покоем.....	26
Импрессионизм.....	27
Кустодиев. Масленица.....	28
Тарковский	
1. Зеркало.....	30
2. Солярис.....	31
3. Колокол.....	32
Читая Михаила Чехова.....	33
Перевозчик.....	35
Памяти Булата Окуджавы.....	37
Шекспир	
1. Дальнейшее – молчанье.....	38
2. Гертруда.....	38
3. Лир.....	39
Читая Юхана Боргена	
1. Вверх и вниз.....	41
2. Мухи.....	42
3. Паутина.....	42
4. Танец.....	44

Бабель.....	46
Набоков.....	47
Уитмен.....	48
Олеша.....	49

ВРЕМЕНА ГОДА

«Лето кончается».....	53
<i>Весна</i>	
Весенний блюз.....	55
Весна!.....	57
Весенняя ворчалка.....	58
Ни о чём.....	59
<i>Лето</i>	
На даче в Быкове.....	60
Диалог с дождём.....	61
Ночное.....	62
Невидимый град.....	63
Ночная стилизация.....	64
Ягодное лето.....	65
Лесу.....	66
<i>Осень</i>	
Триолеты дождя.....	67
Падают розы.....	69
О ветре.....	70
О пиццах.....	71
О грибах.....	72
В ритме вальса.....	73
Осенняя жужжалка.....	74
<i>Зима</i>	
Снег кружится	
1. «В столице зима...».....	75
2. «Снова зима...».....	76
3. «Там, где-то высоко...».....	77

Первый снег.....	78
Новогодний сонет.....	79
Рождественское.....	80
Весны не будет.....	81
Черновик.....	82
С лоджии.....	83
«Снег наконец-то лег...».....	84

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

Диоклетиан.....	87
Забораильки.....	88
Франциск Ассизский.....	89
Арахна.....	90
Блудный сын.....	91
Прокруст.....	92
Рапунцель.....	93
Попокатебель.....	95
Оправдание Иуды.....	96
Фазтон.....	98
Иов.....	99
Пётр.....	100

НУ И ЛАДНЕНЬКО

* * *

1. «Мы, кажется, живем...».....	103
2. «Играешь роль, не зная слов...».....	104
Физика и лирика	
1. «Сегодня в тесном утреннем метро...».....	105
2. «Ты живешь на границе...».....	105
Возвращенье домой	
1. «Побросав на солону...».....	107
2. Почти баллада.....	108

Венок из трех сонетов	
1. Благовещенье.....	109
2. Сретенье.....	109
3. Распятие.....	110
Ии-и-и.....	111
Синдром Бродского.....	112
Простуда.....	113
Тестирование. 1. Утвердительные ответы.....	115
Тестирование. 2. Отрицательные ответы.....	116
Творчество.....	118
Бессонница.....	119
Между кем и кем?.....	120
Бормотуха.....	122
Любовь	
1. «Я убрался на кухне...».....	124
2. «Мам, а папа сказал...».....	125
Пушкинская улица в Одессе.....	126
Жизнь после смерти.....	127
«Каждый зверь...».....	128
Братья.....	129
Ночная идиллия с валокордином.....	131
Пустой экран.....	132
Вторая любовь.....	133
Иудейская пустыня	
1. «Здесь нет ни менад, ни дриад, ни наяд...».....	134
2. «Весной она цветет...».....	134
Осень в Зазеркалье.....	135
Прерванный разговор.....	136
Нерест.....	137
Предвыборный кошмар.....	138
Солипсическое.....	139
Странное.....	140
Гончар.....	141
Ремонт.....	143
Но ты.....	144

После.....	145
Циркуль.....	147
Диалоги.....	148
Мёртвое море.....	150
В тихом омуте. Бред.....	151
Другая реальность.....	152
Мы.....	153
Подозрение.....	154
Страх.....	155
Гость.....	156
Всегда.....	157
Из детства.....	158
Бабочка.....	159
Подробности жизни.....	160
Странный доктор.....	161
Из жизни окурков. Нравоучительная баллада.....	162
Бур.....	164
Город туманов.....	165
Подвал.....	166
Три к носу.....	167
Данте(с).....	168
Ну и ладненько.....	169
Шишел-мышел.....	170
О жуках.....	171
Побег.....	172
Ненавязчивый сервис.....	173
По ночам.....	175
Тракторист.....	176
По мотивам Шварца.....	177
Рыбка-бананка.....	178
Suprus coffee.....	179
Сны	
1. «Глаза закрыты. Сон. Мне снится сон...».....	180
2. «Я мало сплю, зато мне много снится...».....	181

«Исчислено, измерено и взве...».....	183
Другая жизнь	
1. «Погляди – за окошком зима...».....	184
2. «А Он всё смотрит...».....	185
3. «Жизнь потихоньку отваливается...».....	186
4. «Или позвонить по телефону...».....	187
5. «А ты всё время шаришь в пустоте...».....	188
Вьюнок.....	189
Банальный этюд.....	190
Крысы.....	191
Глобальное потепление.....	192
Трава-вода.....	193
Из дневника.....	194
Конаковский паром.....	195
Тень кота.....	196
Аутотренинг.....	197
Копатель.....	198
О стихах.....	199
О пользе маникюра.....	200
Гастрономическое.....	201
О тишине.....	202
То ли девочка.....	203
Кошкотерапия.....	204
О воробье.....	205
Джинн.....	206
«За миг до сна...».....	207
Старый фильм.....	209
О щенке.....	210
Бесы.....	212
Лунатик.....	213
«Мама мыла раму...».....	214
Холодное лето.....	215
«Свалили ель. Совсем уже сухую...».....	216
На Восток.....	217

Мысленный эксперимент.....	218
«Река обмелела. Смотри-ка...».....	219
На Троицу.....	220

КАК БЫ С ЮМОРОМ

Топинамбур to you.....	223
Брачный крик молодого диплодока.....	224
«Недавно мне приснилось...».....	225
Душа графомана.....	226
Любовь и голуби.....	227
Философическое.....	228
Анемона.....	229

ИГРИЩА

Буриме Морское.....	233
Три буриме	
1. Осеннее.....	234
2. Лирическое.....	234
3. Снежное.....	235
Три мыслетропинки	
1. Весенняя.....	236
2. Осенняя.....	237
3. Летняя.....	237
Мыслетропинка предложная.....	238
Еще три мыслетропинки	
1. Озёрная.....	239
2. Мешочная.....	239
3. Снежная.....	240
Мыслетропинка жаркая.....	241
Мыслетропинка предновогодняя.....	242

В СОАВТОРСТВЕ

1. Бал «Besa me tucho»

Наталья Иванова.....245

Александр Спарбер.....245

2.

Алёна Вайсберг.....246

Александр Спарбер.....247

3.

Галина Самойлова248

Александр Спарбер.....249

4. Испанский танец

Анука.....250

Александр Спарбер.....251

Вальс покоя

Галина Самойлова – Александр Спарбер.....252

ПЕРЕВОДЫ

Джон Донн. Священные сонеты.....255

Роберт Бёрнс.

Эпиграмма на Франсиса Гроуса Антиквара.....274

Уильям Вордсворт. Нарциссы.....276

**В литературной серии «Книжная Полка Поэта»
в 2015 году изданы поэтические сборники:**

Михаил ДЫНКИН. «Мы умерли сто лет тому вперед»

Александр ГАБРИЭЛЬ. «По прозванию человеки»

Сева ГУРЕВИЧ. «Дневниковые записи»

Александр СПАРБЕР. «Трава-вода»

Владимир ГУТКОВСКИЙ. «Жизнь рассчитана с запасом»

